

Бег по спирали.

Часть 2.

Маритта - 2

Рина Зелиева

Каждый человек, иногда бессознательно, ищет в своей жизни любовь. Любить и быть любимым: что может быть прекрасней? Судьба вновь сталкивает трех людей, ставит их перед выбором. Любовь или дружба? Жизнь или смерть? А есть ли эта любовь? У нее тысяча граней и оттенков. Попробуй, выбери нужный. К ней ведут множество дорог. Можно попасть в тупик. И еще - она не делиться пополам. Не только во всем мире происходит извечная борьба добра со злом. Она происходит в душе каждого человека. Что победит? Любовь или демоны, ведущие борьбу изнутри?

•

Annotation

Каждый человек, иногда бессознательно, ищет в своей жизни любовь. Любить и быть любимым: что может быть прекрасней? Судьба вновь сталкивает трех людей, ставит их перед выбором. Любовь или дружба? Жизнь или смерть? А есть ли эта любовь? У нее тысяча граней и оттенков. Попробуй, выбери нужный. К ней ведут множество дорог. Можно попасть в тупик. И еще - она не делиться пополам. Не только во всем мире происходит извечная борьба добра со злом. Она происходит в душе каждого человека. Что победит? Любовь или демоны, ведущие борьбу изнутри? Окончание истории.

Зелиева Рина

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Глава 11.

Глава 12.

Глава 13.

Глава 14.

Глава 15.

Глава 16.

Глава 17.

Глава 18.

Глава 19.

Глава 20.

Бег по спирали. Часть 2.

Маритта.

Бег по спирали.

Часть 2.

Маритта Лапицкая. (Рита. Ита)

Ратмир Дарнов (Ратэк, Рат. Мирэк. Мир. Ратик). Дарн (англ.) - черт, проклятый, ужасный.

Антон Горский. Тоша, Тоха, Шторм.

Мокрый густой снег валит тяжелыми крупными хлопьями, тут же тая, едва соприкасаясь с землей, приминая посохшую траву на газонах. Резкие порывы ветра, налетая внезапно, брызгают в лицо ледяными каплями, забираются под одежду. Сыро, и от этого еще холоднее. Промозглый грустный вечер поздней осени. Конец ноября. Еще полчаса - и наступит полночь.

Маритта брела по тротуару, совсем не замечая луж. Ноги совсем промокли, но она, казалось, не чувствовала ледяной стужи, пронизывающей ее до костей. Голова кружилась, а ноги подкашивались. Девушка была сосредоточена лишь на том, чтобы добраться до своего подъезда. Не поскользнуться, не упасть. Тогда, наверно, ей уже не встать. Сил почти не было, и она двигалась на автопилоте, считая шаги, не замечая ничего вокруг.

- Ит, Итка, - кто-то схватил ее руку, когда она добралась до подъезда.

Девушка с испуганным всхлипом обернулась. Нервы, последнее время совсем расшатались. Все в ее жизни было - поганей некуда. Да и после всех испытаний, выпавших на ее долю, она до сих пор просыпалась по ночам в холодном поту, вся дрожа, а потом еще долго плакала в подушку.

- Шторм, - выдохнула Ита. Ее губы задрожали.

- Ты че такая? - спросил ее мужчина, щурясь, пытаясь разглядеть ее в тусклом мерцании едва светившей лампочки над крыльцом. - Идешь, под ноги смотришь. Даже не слышишь ничего. И почему ты так поздно? Я тебя уже несколько часов жду.

Девушка не отвечала. Только глупо улыбалась. И в этой ее улыбке сквозила такая тоска. А по щекам крупными каплями стекали слезы, смешиваясь со снежинками, таявшими на щеках.

- Ит, ты чего? - Антон напрягся еще больше.

Воротник его куртки, плечи и волосы уже успел припорошить снег. Он был все такой же. Удивительный и весь такой внезапный, с поразительной мальчишеской непосредственностью относящийся к жизни. Как будто, они расстались только вчера.

- Тебя не было полгода, - прошептала Маритта.

В ее голосе не было упрека. Простая констатация факта. Да и в чем она могла его упрекнуть? Их отношения так и не успели развиваться. Что значит один единственный поцелуй, сорванный с ее губ в порыве страсти? Он ничем ей не обязан. Он ничего не обещал. И ничего не говорил. Ничего, что могло бы хоть как-то обозначить ту искру, проскочившую когда-то между ними.

- Извини, - он, кажется, смутился. - Все как-то завертелось. Постоянные несостыковки. Бардак в документах. И людей надежных правильных подобрать трудно. А тут еще постоянные диверсии. Уж не знаю, кому еще Дарн на хвост наступил. В общем, все так сложно. Ну, прости, Котенок, никак не получалось добраться до тебя раньше. Не мог я все бросить.

Ита вздрогнула при упоминании имени ее мучителя.

- Сложно, - эхом повторила она и покачнулась.

Мужчина шагнул к ней и обхватил за талию.

- Ты чего? - переспросил он. Беспокойство в его тоне усилилось.

- Тебя не было полгода, - всхлипнула девушка, словно не услышав его объяснений.

Ее глаза закрылись, и она стала оседать на землю.

Глава 1.

Розовый свет зари проникал в комнату сквозь неплотно задернутые шторы. Ита приоткрыла глаза. Она уже не могла вспомнить свой сон, но когда она пробудилась, покой, обретенный во сне, не покинул ее и наяву. То было чисто физическое умиротворение, и все же оно передалось ее истерзанной душе.

И было ей как-то хорошо, безмятежно. Причина была проста. Девушка обнаружила, что спала, уткнувшись лбом в рельефную мужскую грудь, покрытую темными курчавыми волосками.

Она лежала в своей спальне на своей одноместной кровати у самой стены, и Тоха всеми своими немалыми габаритами каким-то чудом сумел притулиться рядом, почти свисая с края постели. "Ему, должно быть неудобно", - подумала она. Его сильные руки крепко, но нежно обнимали ее трепещущее тело. Ита рядом с ним почувствовала себя совсем маленькой и хрупкой. И эта вся его мощь, его тепло, согревающее ее, создавало какое-то неповторимое состояние уюта. Как ни странно, его объятия порождали в ней ощущение надежности.

Маритта почувствовала: мужчина не спал. Он ждал, когда она проснется. Девушка чуть отстранилась и задрала подбородок, желая встретиться с ним взглядом. Его губы изогнулись в тоскливой, но неповторимо чарующей улыбке. А в голубовато-стальных глазах застыла грусть.

- Ты вчера отключилась, - сообщил он ей. - Я нашел в твоей сумочке ключи и принес тебя сюда. Ты ненадолго пришла в себя, пробормотала, что тебе холодно, а потом крепко заснула.

- А ты меня, типо, греешь? - по-детски смутившись, уточнила Ита, отметив, что мужчина, расположившийся с ней под одним одеялом, одет лишь в одни джинсы, а на ней

самой одежды и того меньше: трусики да лифчик.

- Ну да, - нисколько не сконфузился Шторм. - А куда мне было еще ложиться? В постель твоих родителей?

- Зачитывается, - сказала девушка, вспомнив, что в их маленькой двухкомнатной квартире кровати только две.

- Кстати, где они? - пользуясь моментом, решил устроить допрос Антон. - И ты мне не ответила, где ты бродишь допоздна? И что это вчера было? Ты больна?

Рассерженная Маритта села, прислонившись к стене, подтягивая к груди одеяло. Она зло сверкнула на него глазами и прошипела:

- А не слишком много вопросов? Мы не виделись полгода. А теперь ты очень уж неожиданно возникаешь из неоткуда и считаешь себя вправе требовать от меня отчет?

Заметив, как его голубые глаза вспыхнули мрачным огнем, а в их глубине расплавленным свинцом застыла боль, девушка смягчилась.

- Тош, я на работе была. Мне пришлось рассказать родителям о своем разводе. И это еще не самое ужасное, - она вздохнула. - Неважно... От всех этих новостей у отца случился второй инсульт. У него пол тела парализовало. Он сейчас в больнице на процедурах. А мать с ним. На восстановление потребуется много времени. И неизвестно еще, восстановятся ли все функции до конца. Матери опять пришлось уволиться с работы. На сиделку денег не хватало. А я нашла себе подработку: нужно как-то оплачивать лечение. Днем я работаю в магазине автозапчастей. По специальности устроиться не получилось. А после закрытия магазина иду в кафе. Я там мою посуду. Вчера было много клиентов, и мне пришлось задержаться. Нельзя уходить - пока все не перемоешь.

- Так..., - протянул Тоха и нахмурился. - Ты в зеркало на себя давно смотрела?

- А что? - Ита тут же заняла оборонительную позицию. - Уже не нравлюсь?

- Нравишься, не нравишься, - пробурчал Антон, приподнявшись на локте, пробежавшись по ней своим туманным, пронизывающим насквозь взглядом. - Бледная вон, тощая, синяки под глазами. Даже губы белые. Да краше в гроб кладут... Ты что себя, совсем загнать хочешь? Итак, уже от изнеможения в обмороки падаешь. И ты, вообще, ешь что-нибудь? Ну-ка вспомни: когда ты последний раз ела?

- Не помню, - промямлила пойманная с поличным девушка. - Некогда мне.

- Ладно, - сдался Тоха, понимая, что разговор зашел в тупик. - Продукты-то хоть в этом доме имеются?

Ита кивнула.

- Тогда пошли завтракать, - он встал с кровати.

Почему-то при слове "завтракать" Маритта позеленела и пулей слетела с постели. Промчавшись мимо Шторма в ванную комнату, она согнулась над унитазом. Мужчина проследовал за ней и обалдело наблюдал, как девушка корчится в спазмах, выворачивая наизнанку пустой желудок.

- Тебе бы ко врачу надо, - резюмировал он, когда Ита немного пришла в себя и поднялась с колен умыться. - В добавок еще и больна.

- Я не больна, Тош, - девушка вытерла лицо полотенцем, накинула халат, висевший на крючке и присела на бортик ванной. - Я беременна.

- Так, - ожесточенно выплюнул сквозь зубы это слово Шторм и с яростью ударил кулаком в дверной косяк.

В разные стороны полетели щепки.

- Не ломай мой дом, - строго попросила Маритта.

- Кто этот урод? - не обратив внимание на комментарии своих действий, вопрошал грозно он.

- Твой ненаглядный дружок Дарнов, - получил он желчный ответ.

- Дарнов? - повторил изумленный этим неожиданным заявлением Тоха.

Глядя на очумело бешенное выражение его лица, Ита пояснила:

- Помнишь, ты сказал, что Мирэк будет сильно занят и забудет про меня? Так вот. Ты был не прав. Он не забыл. И нашел для меня время, - слова жестоко слетали с ее губ, а глаза сверкали каким-то ведьминским блеском, словно бы, она не замечала глубокой боли и растерянности его взгляда. - Ах, да. Возможно, ты считаешь, что я только и мечтала об этом? Тут ты тоже ошибаешься. Он взял меня силой. Хотя, чего тут сожалеть? Спасибо, что, хоть, не убил.

- И больше не появлялся? - проронил рассеяно Антон, словно никак не мог постичь случившееся.

- Зачем? - вся злость куда-то уходила. Оставалась лишь бесконечная усталость. - Он получил, что хотел. Да и кто я такая? Я для него ничего не значу: только очередная галочка в списке его достижений. Я знала это. И он мне был не интересен. Но кого это волнует?

- Давно?

- Что давно?

- Я спрашиваю: как давно это случилось?

- Месяца четыре назад. Еще летом.., - она уже жалела, что рассказала ему обо всем, ругая себя за то, что дала волю чувствам, за свое простодушное признание.

- Почему ты не избавилась от ребенка?

- Тош, я не способна никого убить. Даже еще не родившегося ребенка. Да и в чем он виноват? За что его-то карать смертью? - она совершенно изнемогла от этого выяснения отношений, лоб покрылся испариной, на душе вдруг стало пусто...

- И ты собираешься растить и воспитывать его одна? - он, казалось, был бесконечно удивлен. - Не надейся, что Дарн на тебе снова жениться. Он уже женат. На Миран.

- А я и не надеюсь. О замужестве за Мирэком я даже в самом страшном своем кошмаре представить не могу. Я одна справлюсь. Не я - первая, не я - последняя, - тяжело вздохнув, подвела итог их беседе Ита, вставая на ноги и направляясь на кухню. - Не переживай ты за меня. Я сильнее, чем кажусь. Да и что мне остается?

- Ита, - Антон поймал ее за запястье. - Слушай. Поехали со мной. Я врача хорошего найду. Он все исправит.

- Что исправит, Тоша, что? - взвилась девушка, вырывая руку. - Ничего уже не исправить. Пойми. И чего ты так разволновался? Ты-то тут не причем. И свечку не держал. Да и потом, наверное, уже давно привык к подобным выходкам своего лучшего друга.

- Да, привык, - шумно выдохнул Шторм.

Его дыхание стало неровным, прерывистым. Было заметно, как бурлят и клокочут внутри него переполняющие и выливающиеся через край эмоции.

- И, скорее всего, даже не замечал. Но...не тогда. Не тогда, когда дело касается девушки, которую.., - потупился Тоха.

Его голос пресекся.

- Которую... что? - глаза Маритты сузились

Они услышали, как распахнулась входная дверь, и кто-то ходит по прихожей.

- Мама, - сообщила Ита Антону и пошла ее встречать.

Шторм последовал за ней, сочтя нужным поздороваться с хозяйкой дома, вдруг вспомнив о элементарных правилах вежливости.

- Привет, мам. Как отец? - вывела из задумчивого состояния пожилую женщину Маритта.

Та посмотрела на дочь, за спиной которой стоял высокий крупный полураздетый мужчина. Смотрела пытливо, печально, потом присела на стул под вешалкой, ссутулилась, опустила голову, погрузила в волосы пальцы.

- Ит, - грустным, надломленным голосом произнесла она. - Не нагулялась еще? Сколько можно? Отец из-за тебя, вон, опять в больницу попал. Мало того, что в подоле принесла. Так уже совсем обнаглела. Мужиков к нам в дом приводить стала.

- Каких мужиков? - недоумевал Тоха. - Ты кого еще сюда приводила? - порычал он.

- Да что вы шлюху из меня делаете? - взбеленилась Маритта. - Никаких мужиков я сюда не приводила. И тебя, к слову, сюда тоже не звала, - набросилась она на Антона. - Ты уже полгода не интересовался моей жизнью. Как я, что со мной... А теперь нарисовался - не сотрешь. И еще права качаешь.

Она резко развернулась и побежала в свою комнату. Антон, о чем-то поговорив с ее матерью, вошел следом за ней. Девушка уже заканчивала одеваться.

- Ты куда? - вскинул брови Шторм.

- Я уже из-за тебя на работу опаздываю, - пробурчала Маритта. - Уволят - ватще жрать нечего будет.

- Никуда ты не пойдешь, - спокойно, но твердо постановил Тоха. - Нужны деньги? Вот, возьми.

Он снял со спинки стула свою куртку и вынул из ее кармана увесистый бумажник. Достав из него толстую пачку банкнот, он протянул ее девушке. Ита была до того разъярена, что голос ее звенел от гнева.

- Издеваешься? - закричала она. - Не возьму я твоих денег. Я не шлюха и не содержанка. Или ты решил за грехи своего дружка расплатиться? Так за такие дела не деньгами расплачиваются...

- Я знаю, - свирепо процедил Шторм.

Глава 2.

Он надел ботинки, потянулся за своим джемпером и принялся натягивать его через голову. Ита направилась к двери, не ожидая завершения сего процесса. Мужчина сделал шаг в сторону, загородив собой дверной проем. Освободив голову, он прорычал:

- Я, кажется, сказал: ты никуда не пойдешь.

- Пусти, - взвизгнула девушка, толкая его в широкую грудь.

Но это было все равно, что попытаться сдвинуть стену. Он даже не пошевелился.

- Чего ты добиваешься? - зашипела Маритта. - Ты не имеешь право мне указывать: что делать и как жить. Уезжай в свой город. И делай там, что хочешь. Убивайте, насилуйте. Только в мою жизнь не вмешивайтесь. Я вам больше ничего не должна.

Шторм так на нее посмотрел, что девушке в какое-то мгновение показалось, что он ее

если и не убьет, то, как минимум, покалечит.

- Значит, денег не возьмешь?

От интонации, с какой это было сказано, Ита покрылась гусиной кожей. Она судорожно сглотнула и захлопала на него широко распахнутыми глазами.

- Гордая, да? Вся такая невинная. Незаслуженно обиженная? А знаешь ли ты, что там, на дороге, никто тебя убивать не собирался. Просто поговорили бы по душам. Припугнули, чтоб не в свое дело не лезла. Но нет же. Ты в считанные минуты умудрилась нахамить, запустить в меня своим баулом, да еще Дарну башку пробить.

- Да, ну? - задетая за живое, Маритта отмела в сторону здравый смысл, игнорируя опасное настроение, в котором находился мужчина. - А то, что он меня в бордель определил, это как называется?

- Мирэк тебя проучить хотел. Сказал, что вечерок там пробудешь и поумнеешь сразу. Но, нет. Ты не х... не успокоилась. И там ты сподобилась нарваться, а потом еще и во второй раз ему по котелку съездить. Но и этого тебе показалось недостаточно. Ты сдала его Ясуру, с ментами спелась. Да если бы я его тогда не уломал, ты бы сдохла там в сарае. И что? Все? Как будто, тебе что-то на пользу пошло, - громыхал Тоха. - Казалось, пора бы уже понять, что Мира бесить не стоит. Если его как следует разозлить, он совсем неадекватным, неуправляемым становится. Но ты не способна уяснить очевидное. Дура безмозглая. Сначала в шкаф заныкалась, потом затеяла с ним какой-то то тупорылый спор. Че, понтануться решила? Довы...ь?

- Я слышала, что вы там за столом в гостиной про меня говорили, - всхлипнула Маритта. - И испугалась...

- Да мало ли что мужики по пьяни говорят? Заперлась бы у себя в комнате. Не стал бы Дарн тебя трогать. Он уже в таком состоянии был, в котором вряд ли на что-нибудь способен.

- У вас на лбах как-то не написано было, что вы там на самом деле на мой счет решили, - огрызнулась Ита, но в ее голосе слышались нотки раненого зверя. - Я всего лишь защищалась. Как могла. Как умела. И нечего меня за это упрекать. Здорово ты это придумал: валить с больной головы на здоровую. Только вот это все нифига не оправдывает то, что он со мной сотворил. Все вы! И не надо делать вид, что ты ваще тут не причем. Ты тоже нехило постарался, чтобы загнать меня в угол. А теперь еще и обвиняешь черт знает в чем, - от гнева и обиды щипало глаза.

Не выдержав, Маритта разрыдалась горько и безутешно. Она бессильно упала на стул, уронив лицо в ладони. Антон зарычал. Он с силой схватил ее за руку, стащил со стула и выволок из спальни. Ворвавшись на кухню, где печально гремела кастрюлями ее мать, он положил стопку банкнот на стол.

- Антонина Сергеевна, - жестко, чеканя каждое слово, начал он. - Я прошу руки вашей дочери. Она у вас слишком шальная. Да и детство еще в одном месте играет. Без присмотра совсем пропадет. А это, - он кивнул на деньги, - выкуп за невесту. Как полагается по русскому обычаю. Сейчас мы доедем до ЗАГСа, а потом я ее забираю с собой. Вам средства на жизнь и лечение понадобятся. Ей, кстати, тоже к врачу надо. Прозрачная, вон, совсем.

Мать Иты только отупело кивнула, уже ничему не удивляясь, и не в силах даже возмущаться. Одним мужем больше, одним меньше. Какая теперь разница? А ребенку отец нужен. Может, хоть на этот раз у их, как правильно сказал мужчина, непутевой дочери все сладиться...

В коридоре он протянул в конец очумевшей девушке пальто и сумочку:

- Одевайся. Документы не забудь.

Маритта машинально выполнила требуемое, все еще находясь в ступоре. Ее беспросветная, но размеренная жизнь пошла на очередной крутой вираж. И ей было страшно. К тому же эта непредсказуемая выходка Тохи была, мягко говоря, шокирующей.

По дороге Антон заехал в ювелирный магазин, во время посещения которого запер девушку в машине. Но она и не помышляла бежать, осмысливая в уединении ситуацию. Когда они подъехали к ЗАГСу, Ита злобно скрипела зубами, надуваясь и нахохливаясь, как воробей.

- Давай паспорт, - Шторм протянул руку.

- Нет, - твердо ответила Ита, упрямо сжав губы.

Она невидящим взором смотрела в окно, обхватив себя руками, пытаясь унять крупную дрожь, сотрясавшую ее тело. Она опасно покосилась на мужчину. Он в упор смотрел на нее. Прямой, выразительный, предупреждающий взгляд. Девушке стало неудобно.

В воздухе повисла плотная напряженная тишина. Чудилось, ее можно было разрезать ножом. Девушка застыла. Она догадывалась: это затишье перед бурей.

- Я уже говорила, что не нуждаюсь в твоей благотворительности, - прошептала она, решившись нарушить воцарившееся молчание. - Тоже мне нашелся, гуманист хренов.

Шторм глубоко вдохнул, набрав полные легкие воздуха, изо всех сил стараясь взять себя в руки. Прошло несколько тяжелых мучительных минут, прежде чем ему удалось немного успокоиться.

- Ита, ты не права, - медленно, размерено начал он. - Для любой другой девушки я бы и пальцем не пошевелил. Я - не ангел и не святой. Но ты... Тогда еще на дороге... я тоже был виноват. Стормозил. Упустил тебя. Но... тогда я просто потерялся в твоих глазах. Не у кого я еще таких глаз не видел. Огромные, в пол лица. И твои дрожащие губы, - он провел рукой по волосам, словно пытаясь стряхнуть наваждение. Его голос звучал проникновенно и чувственно.

Маритта повернулась к нему. В ее глазах стояли слезы.

- Потом они еще долго снились мне ночами. И это просто бесило. Я уже говорил тебе: мне все это не нужно. И тебе тоже будет трудно со мной. Поэтому я старался не обращать на это внимание, пытаясь выкинуть тебя из башки, стереть из мыслей. Но ты все время маячила у меня перед носом, попадаясь на глаза каждый раз, когда я приходил в Дарнову. И тебя постоянно приходилось искать. Ты меня конкретно так утомила. Я злился на тебя. А этот случай в моей квартире... Тут я реально дал слабинку. И сам вызвался ехать в Америку, считая, что расстояние меня уж точно излечит от этого безумия. Там... меня терзало постоянно какое-то беспокойство, необъяснимая тревога, от которой я старался отмахнуться. Не получалось. Она стала сжигать меня изнутри. И, видимо, не зря. Как чувствовал, что с тобой опять что-то произойдет. Ты без моего участия способна попасть в историю. Я понял, что опять все сделал не так. И при первой возможности рванул к тебе. Но поздно. Произошло то, что произошло...

Он замолчал. Маритта не в состоянии была вымолвить не слова, зачарованно вслушиваясь в эти излияния его души, которые уже не ошеломляли. Она устала удивляться всему, что было связано с эти неординарным невероятным мужчиной. И то, что твориться у

него в голове, ход его мыслей и поступков невозможно предугадать.

- Ит, - продолжил после паузы, в течение которой старался подобрать слова. Объяснения давались ему тяжело. Он редко говорил с кем-нибудь откровенно, обнажая сердце и душу. - Позволь мне все исправить. Да, я дурак. Я должен был сразу понять, что не стоит тебя отпускать от себя. Теперь ты будешь под моей защитой. И никто не посмеет причинить тебе боль.

Девушка не знала, что ответить, но ощущала, что железные тиски, сжимавшие ее сердце, разжались. В его голосе было столько тепла и страсти, что обезоруженная Маритта слабо улыбнулась ему, подбодряя этой своей улыбкой. Антон выдохнул. Он грустно усмехнулся.

- Ты не представляешь, как я изголодался по тебе. Но все равно не стал бы навязываться, если б не был уверен: что тоже не совсем безразличен тебе. Ведь так?

Маритта закусила губу.

- Ита, - взволнованно прохрипел мужчина, настаивая на ответе.

- Так, - не стала томить его девушка, ее было едва слышно. - Но, Тош, тебе не кажется, что уже слишком поздно? Я... у меня будет ребенок. И Дарн. Ты же на него работаешь...

- Я разберусь с этим дерьмом, обещаю, - с облегчением улыбнулся Антон. - У нас все будет отлично. Поверь мне.

Глава 3.

Машина свернула на проселочную дорогу. Маритта задумчиво рассматривала широкое кольцо с россыпью мелких бриллиантиков на безымянном пальце, поблескивающее в скупо льющемся в окна автомобиля свете луны. К вечеру резко подморозило, и мокрая дорога превратилась в каток. Антон сосредоточено вел машину, хмурясь каким-то своим мыслям.

"Да, а он умеет ставить печать собственника", - Ита перевела взгляд с кольца на мужчину. - "Теперь я - Маритта Горская. Интересно, как изменится моя судьба вместе со сменой фамилии? Ведь я же его совсем не знаю. Все-таки Тоша прав - я ненормальная. И вечно кидаюсь в приключения, как в омут, с головой".

- Что? - мужчина поймал ее взгляд на себе, отметив унылое выражение ее лица. - Устала? Сейчас скоро приедем.

По дороге они останавливались в городе у магазина, и Антон до отказа забил багажник машины продуктами. Он объяснил, что из аэропорта сразу поехал к ней и дома еще не был. Девушка, однажды познакомившаяся с ведением хозяйства в жилище Тохи, присовокупила к набору пищевых упаковок кое-какую кухонную утварь, губки, тряпочки, салфетки и моющие средства. Антон только усмехнулся: "Уже начинаю чувствовать себя женатым человеком".

Они подъезжали к деревне.

- Дарнов перебрался с женой в город, - объяснил Тоха. - Снизим до минимума вероятность вашей встречи. И тебе лучше сейчас побыть в тишине на свежем воздухе. Попытаться прийти в себя. Отдохнуть и поправить здоровье.

Дом Горского сильно отличался от дома Дарнова. Обычная деревенская изба, правда обложенная кирпичом, деревянная невысокая ограда. Коммуникации присутствовали,

располагаясь в пристроенном позади избы помещении. Газовое отопление, водопровод, канализация. "Ничего так, жить можно", - постановила Ита.

Внутри дома царил полнейший модерн. Привычной для девушки русской печи не было, зато в углу основного помещения был сложен большой камин, являвшийся поистине настоящим произведением искусства.

- Это мы с Косым в отпуске забавлялись, - отметил предмет, завладевший вниманием девушки Антон. - Его отец был печником, да он до сих пор этим занятием промышляет. Ваня как-то раз зашел ко мне и раскритиковал мою хату в пух и прах. Вот я и предложил ему вспомнить, чему его отец еще в детстве учил. А потом пошло-поехало. Все же лучше, чем в астрал уходить, расслабляясь в запоях и в банях со шлюшками. Потом тяжело в строй возвращаться. А тут чисто по-мужски: и дело сделали, и отвлеклись немного от основных проблем. А так, я редко тут бываю...

Немного подумав, мужчина добавил:

- Дом родителей Ивана через один от моего. У них и ключи запасные есть, если что. Вот, кстати, позвонил им, чтоб отопление включили... Ты, в случае чего, всегда можешь к ним обратиться - хорошие люди.

Камин находился на небольшом возвышении, выложенном мостовым камнем, по границе отделанном небольшими пенечками. Рядом с очагом - кучка дров, а сверху него - полки из необструганных досок. Такие же доски были приколочены на стене во всю ее длину до самой двери. На них стройными рядами расположились книги. Вот уж не думала Маритта, что Тоха еще и читать время находит. Между деревянными полками крепился телевизор и еще какая-то техника, призванная скрасить досуг. В центре комнаты, чуть ближе к камину, стоял деревянный стол, окруженный мягкой мебелью. Позади дивана у стены - двуспальная кровать с тумбочками по обеим своим сторонам. Над ней - картина с деревенским пейзажем и два светильника. Прямо за входной дверью - комод. Стены ничем не отделаны: голые бревна, и такой же потолок из некрашенных досок и балок. На полу - толстые шерстяные ковры.

Компьютерный столик, немного не вписывающийся в общий антураж, большой гардероб и несколько громоздких резных сундуков довершали обстановку. Кухня от основного помещения отгораживалась цветастой шторкой. Она находилась в самом торце, лишь со стороны камина имелась небольшая кирпичная кладка. Из кухни выходы вели в ванную комнату и подсобные пристройки.

"И где же тут детскую кроватку ставить?" - растерялась Ита. - "Тут вообще место для ребенка не предусмотрено. Ладно, до его рождения еще несколько месяцев. По ходу дела разберемся".

Антон помог девушке разложить покупки. Ита было вызвалась сообразить ужин, но вдруг сильно побледнела и пошатнулась.

- Сядь, - Тоха кивнул в сторону дивана. - Я пойду - наполню ванну, а потом чего-нибудь накромсаю. Успеешь еще домом заняться. Да, там в шкафу твои вещи, которые ты тогда на обочине бросила. Я забрал их у Мирэка. Найдешь что-нибудь пока из одежды, а потом в город съездим, купим все, что нужно. Но с утра - в больницу. Надо, чтобы тебя врач осмотрел.

В своей сумке Маритта нашла коротенькую хлопковую сорочку, больше похожую на удлиненную майку, взяла у Антона полотенце и пошла обследовать отблески цивилизации. Тут было, где развернуться. Огромная ванная в углу, напротив нее полукруглая душевая

кабинка, раковина, зеркало во всю стену, унитаз и куча шкафчиков. С наслаждением погрузившись в теплую воду, слушая шуршание душистой пены для ванны, девушка постепенно задремала, расслабившись.

- У тебя просто мания самоуничтожения, - бурчал Тоха, вытаскивая ее из воды. - Так и утонуть недолго.

Он поставил разомлевшую Иту на коврик и обернул полотенцем. Его жесты были ласковыми, почти благоговейными. В порыве благодарной нежности она прижалась к груди мужчины и услышала, как бьется его сердце.

- Извини, я что-то устала, - тихо прошептала девушка, опять прикрывая глаза.

Антон отнес ее в постель и протянул сорочку.

- Я сейчас поесть принесу.

Жуя бутерброд и запивая его соком, уже проснувшаяся Маритта трогательно краснела, окончательно смутившись. Она не привыкла к такой заботе, тем более со стороны мужчины, да и красноречивые взгляды, которые бросал на нее Тоха, наводили на определенные мысли. "Естественно", - размышляла Рита, - "Он уже не в первый раз видит меня полуголой, а то и совсем без всего. Раздразнила мужика. Кстати, поразительное самообладание".

- Спи давай, - пробубнил мужчина, забирая у нее посуду.

Свалив ее в раковину, он скрылся за дверью ванной комнаты.

Маритта проснулась посреди ночи, очнувшись от глубокой дремы. Усталость прошла, ощущение незнакомой обстановки взволновало ее. Оглядываясь в темноте, постепенно Ита вспоминала, где она и почему. На другой половине постели слышно было умиротворенное дыхание мужчины. Успокоившись, она опустила на подушки лицом к мужу.

Антон повернулся, потянувшись во тьму и найдя ее теплое, мягкое тело, сжал девушку в своих объятиях, его рука ласкала ее плечи.

- Итка, - пробормотал он во сне.

Неожиданно отпустив ее, Тоха вскочил на кровати и включил висящий на стене ночник.

Он ошалело уставился на Маритту, некоторое время рассматривая ее, затем улыбнулся своей светлой улыбкой.

- Черт, я думал, ты мне приснилась, - лег и рассмеялся.

Ита не могла не улыбнуться в ответ. А потом она наклонилась к нему, несмело прикасаясь губами к его губам, ее мягкие душистые волосы окутали его, шелковистой завесой отгораживая от всего остального мира.

И в этот момент все существо Антона прониклось пониманием того, что желание обладать ею, преодолеть совсем уже невозможно. Он глухо зарычал, отталкивая ее от себя.

- Итка, я не железный.

- Я знаю, - хитро усмехнулась она. - Не переживай, ты не причинишь мне вреда. Я уверена.

Лишь мгновение пребывая в нерешительности, мужчина в порыве страсти припал к неумолимо околдовавшим его губам, захватив своей большой ладонью в плен ее голову. Чтобы не задохнуться, Маритта должна была в естественном порыве ответить на его поцелуй, идти навстречу его губам, его языку. Разрывающая грудь нежность и горячее желание, как два мощных потока, захлестнули ее. На секунду разжав объятия, Антон освободил девушку от одежды, с каким-то страдальческим всхлипом вновь привлекая ее к себе. Долгое время сдерживаясь, теперь он хотел ее всю. Все до конца, до каждой клеточки,

до единого атома. Она его. И она готова отдать ему себя. От сознания этого напрочь сносило крышу.

Ита же, ощущая на своем теле обжигающую и властную мужскую руку, мурлыкала, как кошка. Ее плечи, спина, талия горели от его прикосновений. Его пальцы скользили везде. Подчиняясь ему, самым смелым и дерзким его ласкам, она чувствовала, что всегда ждала именно этого, она хотела, чтобы так ласкали ее обнаженное тело.

Маритта со стоном еще плотнее прижалась к нему, доверяя себя его надежной силе. Ловкие руки, гладившие ее, не оставляли ничего, кроме огромного наслаждения.

Бессознательно стремясь получить еще большее удовольствие, девушка обхватила ногами мужчину за талию, срывая последние предохранители, еще позволявшие ему хоть как-то себя сдерживать. Она с радостью ощутила, как что-то твердое и горячее проникает в нее, осознавая, что это его тело сливается с ней, увлекая ее в неведомую страну, полную невыносимого блаженства, искреннего восторга и экстаза. Его мощные плечи, его мускулистые руки, его лицо совсем близко, его блестящие голубые глаза - ей самой не верилось, что это не сон. А пусть бы и сон: но такой чудесный.

Ощущая, как его огромная тугая плоть ритмично двигается в ней, распирая и заполняя каждый уголок ее тела, девушка поняла, что улетает. Ее восторженные вскрики, вторящие каждому его толчку, еще больше распалили мужчину. Он совсем потерял голову, с тихим рыком погружаясь до самого конца в это безумно желанное женское тело. Ита выгнулась струной, подаваясь ему навстречу, вбирая его целиком, сходя с ума от счастья. Легкий жар и сладостная боль, едва уловимый стон жили в ней, шептали ей, что у страсти есть тысяча оттенков, и что только от нее самой, от податливости желаниям мужчины зависит их полное единение, гармония, дарующая наслаждение обоим.

Порывисто дыша, они предавались ласкам, и тела их, сплетенные воедино, охватило упоение, доходившее до страдания и толкавшее их в бездну сладострастия. Когда возбуждение достигло апогея, они погрузились в блаженство, пьянящее и пронзительное. Они не могли себе представить раньше, что это слияние их тел будет таким всепоглощающим.

Когда сразивший ее сон без сновидений наконец рассеялся, Маритта увидела, что утро уже наступило. Ее щека покоилась на мощном торсе мужчины, который крепко спал, обхватив ее рукой за плечи. Его грудь мерно вздымалась, даря ощущения покоя и безмятежности. Где-то за окном прокукарекал петух. Ита улыбнулась. И подумала, что точно так представляла себе земной рай. Просыпаться в объятиях любимого мужчины. Готовить по утрам завтрак, а потом выходить на крыльцо в окружении цепляющихся за ее юбку детишек и провожать мужа на работу. И муж - верный, надежный, крепкий, как бетонная стена, взявший ее, глупую беспечную птичку под свою защиту, а она - его тихая гавань, его тыл, куда он всегда будет возвращаться в поисках тепла и нежности.

- Ты давно не спишь? - услышала замечтавшаяся Маритта хриплый со сна голос Тохи.

- Нет, только проснулась, - почему-то тихо прошелестела она, словно, боясь нарушить покой и умиротворение, воцарившиеся в доме.

- Ты как? - последовал следующий полный тревоги вопрос.

Ита вздохнула, удивляясь всем мужчинам на свете в лице Антона, которым обязательно

нужно задавать глупые вопросы, чтобы еще точнее убедиться в том, что и без того очевидно.

- Было замечательно, пока ты не решил устроить допрос. У тебя что - это профессиональное? - решила поддеть его девушка.

Мужчина, оценив подколку, глухо рассмеялся. Но в этом его смехе Ита уловила какое-то напряжение. Она приподняла голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Но Тоха не дал ей этого сделать.

- Тогда вставай, - он решительно соскочил с кровати и направился в ванную. - Я быстро, - бросил он по дороге. - А потом поедем в клинику. Доктор Алеман велел явиться с утра пораньше. Вчера я звонил ему, пока ты была в ванной.

- И не ешь ничего, - предупредил он, прежде, чем скрыться за шторкой. - Тебе нужно будет сдать анализы.

Ежась от утреннего холода еще не прогретой машины, девушка боролась с внезапно охватившем ее мрачным предчувствием. Она припоминала обеспокоенные взгляды Антона, которые он бросал на нее, пока она собиралась. И еще... в его глазах было что-то настораживающее, еще неуловимое. Его настойчивый интерес к ее самочувствию с выяснением мельчайших подробностей. Какая разница, если они все равно едут в больницу? Там точнее определят, насколько верна ее оценка собственного состояния.

Затем, эти его непонятные вопросы: почему они с Виталиком не торопились заводить детей, хотела ли она их иметь вообще. Или же у нее были на жизнь какие-то другие планы. Какая, блин, спрашивается разница? И какое это имеет отношение к теперешней их ситуации? На эти встречные ее вопросы Тоха не ответил. Да она отлично себя чувствовала, до тех пор, пока он не начал ее доставать. Все бы было великолепно, если бы не это его странное поведение, мысли о котором, клубясь обрывками тумана в сознании, вызывали смутную тревогу.

Глава 4.

Здание клиники находилось в центре города. Небольшое трехэтажное - оно представляло собой постройку старинного типа. Но внутри царствовал современный дорогостоящий ремонт. Доктор Алеман - тот самый маленький сухенький старичок, который лечил Иту в доме у Мирэка, встречал их в вестибюле. Поздоровавшись с Горским за руку, он проводил молодоженов в свой кабинет.

- Антон вкратце объяснил мне ситуацию, - начал он, присаживаясь в кресло за столом и приглашая мужчину и девушку расположиться на стульях напротив него.

- Какой срок беременности? - решил все же уточнить врач.

- Шестнадцать недель, - девушка понуро опустила голову.

- Так... На осмотре у врача были? - продолжал расспрашивать ее доктор.

- Нет. Только тест делала. Но я же знаю точный день зачатия, - снова потупилась девушка. Ей было почему-то неприятно, что все происходило в присутствии Антона. Она еще к нему не привыкла и немного стеснялась.

- Понятненько, - задумчиво протянул старик.

Маритта открыла было рот, чтобы задать хотя бы один из интересующих ее вопросов, но Алеман ее перебил:

- Вот, голубушка, - он пододвинул к ней кучку маленьких листочков, - это направления на анализы, которые вам предстоит сдать. Идите, потом вернетесь сюда, и я проведу осмотр.

- Я провожу, - Тоха поднялся со своего места.

- Сама справлюсь, - сердито буркнула Ита, выскакивая за дверь.

Она пока сама не могла себе объяснить, почему злилась на Антона. Но интуиция подсказывала ей, что он того заслуживает.

Когда она вернулась через некоторое время в кабинет, помимо Алемана и мужа там ее ждала уже немолодая грузная женщина в белом халате.

- Проходите вон туда, - распорядился старичок, одевая одноразовые латексные перчатки и указывая на дверь соседствующего с его приемной помещения. - Сначала - общий осмотр, а затем и Елизавета Павловна вас посмотрит. Она - лучший в нашей клинике акушер-гениколог. И, пожалуй, сразу сделаем УЗИ.

Женщина-врач долго всматривалась в экран монитора, затем вынесла вердикт:

- Я думаю, у вас все будет хорошо. Обойдется. Срок еще маленький, - и, не дав девушке, вытирающей гель с живота одноразовыми салфетками вымолвить и слова, поднялась и достала с нижней полки стеклянного шкафчика полиэтиленовую упаковку. Она положила ее на кушетку. - Вот, переодевайтесь.

- Что обойдется? - вопрос прозвучал уже в спину удалявшейся женщине.

Добывая из пакета одеяние, похожее на просторную очень длинную футболку с рукавами, шапочку и бахилы, Ита забеспокоилась: зачем ей все это. "Наверное, мне предстоят еще какие-то осмотры или процедуры", - отmelda она свои сомнения, уверенная в том, что Антон за всем проследит, и никто не причинит вреда ее здоровью и здоровью ее малыша.

Сквозь приоткрытую дверь смотровой она услышала, как кто-то зашел в кабинет, затем женский голос:

- Вот, анализы Горской готовы.

"Оперативненько у них тут", - удивилась девушка.

Дверь снова хлопнула. Затем тихий голос Алемана:

- Тут все хорошо. Не переживай, девочка крепкая. Елизавета Павловна, ступайте, подготовьте все.

О чем потом тихо беседовал врач с ее мужем разобрать было невозможно. Ита решительно вышла к ним. Разговор прервался. Старик торопливо записывал что-то в карточку.

- Тош, чего еще со мной собираются делать? - прищурилась Маритта. - Зачем мне эта больничная роба?

Антон опустил глаза и молчал, доктор тоже не поднимая головы что-то продолжал строчить в своих бумажках.

- Да скажите что-нибудь! - вскричала девушка. - А то я уже начинаю беспокоиться. Что-то не так с ребенком?

- Ит, все будет хорошо, - вздохнул Тоха. - Так надо. Иди с Матвеем Абрамовичем. Он - опытный врач, и знает, что делать.

- Будем надеяться, - не очень-то почтительно фыркнула Ита, но подчинилась.

Ее провели в просторный зал, стены и пол которого были выложены кафелем. "Похоже на операционную", - всполошилась и без того уже напуганная Маритта. Гинекологическое кресло, стойка с лотками и жутко поблескивающими в свете специальных прожекторов медицинскими инструментами, от одного вида которых по коже толпой забегали мурашки, а на лбу выступила испарина, довели девушку до стрессового состояния. Стойки с капельницами. Рядом с креслом - пластиковый стол. На нем - какая-то электроника и мониторы. Предчувствие парализовало ее.

- Вы че это задумали? - пискнула она, вперившись злобным взглядом в Елизавету и старика, которые, пока она рассматривала обстановку, уже успели облачиться в хирургические халаты и маски. Теперь она уже прочно уверилась, что речь идет не о каких-то там процедурах и дополнительных обследованиях. Да как она вообще могла так долго тупить? Доверилась Антону, идиотка! Нашла, кому доверять!

- Иточка, забирайтесь в кресло и не капризничайте, хорошо? - спокойным властным тоном попросил Алеман. - Так будет лучше. Для вас же. Со своей стороны я обещаю - все пройдет благополучно. Вы молоды, здоровы, и у вас еще будут дети. Тогда, когда придет время.

- Нет, - завопила Маритта. - я не позволю за себя решать!

- Мариточка, успокойтесь. Не нужно так нервничать, - невозмутимо взялась уговаривать ее акушерка. - Ну, подумайте сами? У вас еще вся жизнь впереди. Зачем ее осложнять себе и мужу? Антон сказал, что сейчас и так очень сложная обстановка и далеко не лучшие обстоятельства, чтобы обзаводиться детьми. Когда все устаканится, вы всегда сможете забеременеть опять. Тогда, когда оба будете к этому готовы.

- Вы ничего не почувствуете, - встрял Абрамович. - Просто заснете. Какой-то час, и вы снова будете свободны. Осложнений быть не должно. У нас новейшие технологии и препараты. Все делается не на ощупь, как в ваших госбольницах, а с помощью аппарата УЗИ. Максимально аккуратно.

Но Ита его уже не слышала. В голове билась и металась одна лишь фраза: "Когда оба будете к этому готовы". Она вдруг ощутила холодную пустоту в груди. Зря она беспечно тешила себя такими оптимистичными надеждами. Так, значит, он не готов воспитывать чужого ребенка. Он ему не нужен. Только она. И только поэтому отправляет ее под скальпель хирурга. Его б самого сюда. Сволочь. И ему наплевать, что она и ее малыш теперь нераздельны. Он все привык делать так, как ему нужно. Ее мнение не учитывается. Ну, уж нет. Она заставит с собой считаться. И если ему не нужен ее ребенок - пусть проваливает куда подальше. Она ему в жены не напрашивалась. Ему придется принимать в расчет и ее рассуждения, если он хоть сколько-нибудь серьезно к ней относиться.

- Позовите Антона, - спокойно и твердо попросила она. - Я хочу посмотреть в его бесстыжие глаза. И пусть сам попробует привяжет меня к этому, - она указала на кресло, - эшафоту. Да - это эшафот, а вы - палачи. И не имеете права на приговор без суда и следствия. Пусть придет Антон! Пусть смотрит на это. Если мужества хватит. Он, наверно, не понимает, что там, - она обхватила свой едва припухлый живой ладонями, - там уже человек. Готов он увидеть, как его убивают? Рвут на куски?

- Что ж,- кивнул доктор Алеман. - Это справедливо. Возможно, мужчинам было бы сложнее принимать такие решения, если бы они знали, как все выглядит на самом деле.

Маритта выпучила глаза. Вот уж от кого-кого, а от врача, привыкшего уже, казалось, ко

всему, она не ожидала такого. Может, напрасно она его заочно осудила? И в нем осталось еще что-то человеческое, что не продается за деньги?

Спустя несколько напряженных минут, во время которых девушка на всякий случай забила в угол, не обращая внимания на ледящую спину и бока кафельную плитку, в операционную вошел Горский. На нем был белый халат и маска в пол лица.

- Ита, не бузи, - свирепо зарычал он. - Ты и так уже наделала много глупостей. Давай уже завязывай. Признай, наконец, ты просто не способна была принять решение. Боялась, мучилась сомнениями. Теперь можешь свалить все грехи на меня. Я все решил за тебя. Ты не в чем не виновата. Пойми, так будет лучше. Лучше для всех.

- Не имеешь права решать за меня, - возвопила Маритта. На ее глазах проступили жгучие слезы, заволакивая дымкой обзор. Она торопливо их смахнула и продолжила. - Ты не имеешь права заставлять меня. Имей мужество признать - так будет лучше для тебя. Только для тебя! Но никак не для меня. И, тем более, не для ни в чем неповинного младенца.

- Какого младенца? - загромыхал Антон. Ита поежилась. Его взгляд обдавал тем самым могильным холодом, от которого девушке всегда становилось не по себе. - Его нет. Там всего лишь личинка, которая несет с собой массу проблем. Они нужны тебе? Попытайся хоть раз в жизни пораскинуть своими слабыми мозгами.

Он прикрыл глаза и глубоко вздохнул, стараясь не беситься. Затем продолжил уже более мирно:

- Подумай о том, что нас ждет. Скорее всего, мне придется искать другую работу. Мы будем переезжать с места на место. Средств, которые я скопил, не хватит надолго. Меня могут убить, ранить. Это моя профессия. И другой я не знаю. Ты останешься одна с ребенком на руках. Да может произойти все, что угодно. Это мой образ жизни. В нем нет места детям...

- Ты беспокоишься больше о себе, - упрямо возразила Ита. - Я ничего не боюсь. Я уверена - мы все преодолеем. Если есть настоящие чувства.

Горский усмехнулся и покачал головой.

- Все вы бабы такие. Кроме чувств вас ничто не волнует.

- Да не волнует, - не сдавалась Маритта, отказываясь воспринимать все его доводы. Она уже не могла больше сдерживать рыданий, которые настойчиво прорывались, клокоча в горле. - И если ты заставишь меня - я этого тебе никогда не прощу. Слышишь? Никогда!

Горский в бешенстве ударил кулаком в стену. От силы его удара кафель пошел трещинами.

Наблюдавшие за этой сценой доктор Алиман и Елизавета Петровна даже не вздрогнули. Они застыли невозмутимыми изваяниями, терпеливо ожидая, чем закончатся эти выяснения отношений ценой исхода которых являлась человеческая жизнь.

Выпустив пар, Тоха решил предпринять последнюю попытку.

- Ита, можешь ты хоть немного подождать? Хочешь детей? - начал он тем самым проверенным безэмоциональным и твердым тоном, который обладал безотказной способностью убеждать. - Хорошо, у нас будут дети. Но позже. Когда я буду уверен, что смогу обеспечить им достойное существование. Когда мое положение станет более прочным, надежным. Когда решу все проблемы и избавлюсь от угроз, которых никак не избежать сейчас.

- Я никогда не прощу тебе, - как будто не слушая его, шмыгнув носом, повторила девушка. - Я возненавижу тебя еще больше, чем Дарнова. Он, по крайней мере, не опустил

до убийства.

Издав звериный яростный рык, Антон еще раз врезал кулаком по стене, оставляя на ней кровавые следы. Его аргументы исчерпали себя, разбиваясь о непробиваемую стену ее упорных убеждений. Он вылетел из зала.

- Я победила? - осторожным шепотом, размазывая слезы по щекам, спросила Маритта у врачей.

- Идите, девочка, одевайтесь, - устало вздохнув, Матвей Абрамович стащил с лица маску. - Я вижу, вам еще о многом стоит поговорить. Но, послушайте моего совета: не нужно так субъективно судить об этой жизни.

Глава 5.

Они возвращались в деревню. Маритта нервно кусала губы, давясь судорожными всхлипами и то и дело косясь на рассеченную руку Горского, лежащую на руле.

- Да хватит тебе, - рявкнул на нее Антон.

Ита вздрогнула и залилась слезами еще пуще прежнего.

- Мммгхм..., - из груди Тохи вырвались несуразные булькающие хриплые звуки.

В доме мужчина плюхнулся в кресло и включил телевизор. За всю дорогу кроме трех слов он не сказал ничего, и теперь продолжал игнорировать девушку. Маритта, независимо вздернув подбородок, направилась на кухню. Она и так долгое время почти наплевательски относилась к своему здоровью и здоровью своего будущего малыша. Возможно, предыдущие трагические события были ей необходимы, чтобы теперь, как никогда почувствовать свою ответственность за его жизнь. Она, борясь с подступающей тошнотой, заставила себя выпить стакан молока и принялась готовить обед.

Закончив нарезать овощи в суп, Ита в сердцах отбросила нож. За последние минут сорок Антон не пошевелился, пялясь в экран и даже не поворачивая в ее сторону головы. Неизвестно почему, но девушка чувствовала себя виноватой. Она вытерла руки о передник и направилась к мужу.

- Тоша, - жалобно позвала она. - Поговори со мной. Не молчи.

Мужчина с тихим глухим рычанием обхватил голову ладонями, опершись локтями на ноги, так и застыв в этой позе.

Маритта подошла к нему, опустилась на колени, и, просачиваясь между его руками, обхватила за талию.

- Антон, - горячим проникновенным шепотом стала уговаривать его она. - Я знаю, тебе тяжело принять этого ребенка. Он для тебя чужой и нежеланный. Но он - часть меня. Хотя бы попытайся с этим смириться. Я уверена, ты привыкнешь к нему. Он никак нам не помешает. Да и как может помешать малыш?

- Это ты сейчас так считаешь, а потом сама будешь жалеть, что не избавилась от него. Ты не сможешь полюбить его. Каждый раз, глядя на ребенка, ты будешь вспоминать о том, что с тобой сделал Мирэк. И вскоре начнешь ненавидеть его так же сильно, как и его отца.

Девушка скорбно покачала головой:

- Нет. Не говори так. Я буду любить его. Я - его мать.

- Ита, - мужчина приподнял ее лицо за подбородок и, заглянув в ее янтарные глаза, предпринял новую попытку объясниться. - Ты не понимаешь? Я не смогу стать ему отцом. Для меня дети - пустое место. Все, пусть даже будут мои. Я их никак не воспринимаю. Разве только - как дополнительные сложности. А сложностей я привык избегать. Я никогда не буду любить его, как бы ты этого не хотела. И не хочу, чтобы потом мне это ставилось в упрек. Это только испортит отношения между нами.

Девушка улыбнулась, почувствовав, как дрогнул его голос. Ей удалось прорвать плотину его отчужденности.

- Ты просто боишься, что я его буду любить больше, чем тебя - догадалась она, и снова крепко обняла Антона. - Врешь ты все, что никак его не воспринимаешь. Ты видишь в нем конкурента. Глупый, какой же ты глупый. Моей любви хватит на вас обоих.

Тоха обхватил ее за пояс, подняв с колен, и усадил себе на ногу.

- Итка, - он спрятал свое лицо в ее волосах, и девушка ощутила его дыхание на своей шее. - Прости меня. Наверно, я вел себя, как последняя скотина. Я уже давно привык принимать решения самостоятельно, не с кем не считаюсь. Я несу ответственность за жизни многих людей. Зачастую лишь от меня зависит исход тех или иных ситуаций. И, я думаю, что лучше знаю, как будет правильно. Но, уже готов допустить, что я могу ошибаться.

Маритта спрятала свою улыбку у него на плече.

- Тош, - необычным для себя рассудительным тоном, произнесла она. - Может быть, и я неправа. И все делаю не так. Но уверена в одном - жизнь все расставит по своим местам. И как бы мы не старались, нам не изменить свою судьбу. Если что-то должно произойти - то обязательно произойдет. И наши беспорядочные телодвижения все равно на это никак не повлияют. Так почему же не оставить все как есть? Пусть жизнь идет своим чередом.

- С каких это пор ты такой фаталисткой стала? - рассмеялся Тоха, немного отстраняя девушку от себя и ловя ее взор.

- С тех пор, как посмотрела в дуло твоего пистолета, - с бесами во взгляде, ответила Ита.

- Ехидина, - упрекнул муж, наклоняясь к ее губам.

Маритта задохнулась от долгого жадного поцелуя, от того, что Антон сжал ее так сильно, что она не могла вздохнуть. А он испугался, просто испугался того, что чуть не потерял ее снова, проявляя свой мужской эгоизм, за который ему теперь было чуточку стыдно. Не знал Тоха, что Ита была готова уже простить ему все ради того неподдельного чувства, которое еще только зародилось между ними, постепенно разгораясь, как костер.

Почувствовав его возбуждение, девушка расхохоталась, не в силах сдержать этот рвущийся смех облегчения.

- Итка, ты можешь хотя бы иногда вести себя серьезно? - одернул ее муж, но и его губы уже кривились улыбкой, как он не пытался ее спрятать.

Он легкими щекочущими поцелуями прикасался к ее лицу, шеи, плечам, попутно освобождая от одежды.

- Тош, там суп пригорит, - опомнилась Маритта. - Давай поедим.

- Ммм, сначала я тебя съем, а суп на закуску, - постановил Антон, подняв ее на руки и, не расставаясь со своей ношей, направился на кухню, проявив поистине чудеса ловкости, выключая газ.

После спасения обеда, он отнес девушку на кровать, где все ее шутливые попытки

вырваться терпели крах. Несмотря на сопротивление, которым девушка давала понять ему, что все еще сердиться, Антону довольно быстро удалось стащить белье, чисто символически прикрывавшее такое желанное для него тело, и раздеться самому. Он пригвоздил запястья Иты к постели, нависая над ней, и, лизнув ее плечо, со зловещими нотками в голосе спросил:

- Ну, с какого места начнем?

Поймав выразительный взгляд девушки, остановившейся на том его месте, с которого явно хотела начать она, мужчина со смешком покачал головой.

- Не угадала.

С разрывающей сердце нежностью Антон стал исследовать губами ее всю, сантиметр за сантиметром изучая нежное тело, начиная с призывно полуоткрытых губ, продвигаясь все ниже. Он алчно целовал ее набухшие груди, и Ита чувствовала, что еще немного, и она взорвется от восторга. От прикосновения к животу его лба у нее закружилась голова. Когда он, осторожно раздвинув ее ноги, спустился еще ниже, она пронзительно закричала, вцепившись пальцами в его волосы, ощущая себя так, словно его язык, проникая сквозь кожу, касался ее обнаженных нервов. Тело девушки сотрясалось беспорядочными движениями, как земля сотрясается в конвульсиях от подземных толчков. А он все ласкал и ласкал ее, как будто пытаясь извиниться, стереть из ее памяти ту боль, которую причинил.

Ощущая, что собственную боль напряжения уже невозможно терпеть, он вошел в нее и заполнил ее всю, так, что ей трудно было дышать. Двигаясь в такт отчаянно колотившемуся внутри сердцу, он ловил губами ее стоны, слизывая слезы, безотчетно струившиеся по ее лицу. Ита не осознавала, что плакала, что слезы текли сами собой от переизбытка чувств, от невыносимого ощущения болезненного счастья, которое она испытывала в объятиях этого мужчины, буквально купаясь в его нежности, вбирая ее всю, получая несказанное, ни с чем несравнимое удовольствие, впервые в жизни познаваемое ею. Антон же внимательно и настойчиво продолжал играть с ее чувственностью, усиливая ее иступление и свое собственное наслаждение, не в состоянии насытиться тем, в чем так долго себе отказывал.

Проснувшись в состоянии томного блаженства, Маритта недовольно щурилась от яркого света. Конечно, никому из них вчера и в голову не пришло задернуть занавески. А наступивший день выдался солнечным и морозным. Противно на тумбочке зазвонил телефон Антона, разрывая сонную тишину. Мужчина нехотя выпустил Иту из своих рук и потянулся, пытаясь с закрытыми глазами нащупать возмутителя спокойствия.

Услышав голос в трубке, Антон сразу открыл глаза и злобно нахмурился. Увидев выражение его лица, Маритта подумала о том, что он, видимо, только с ней такой милый. Да и то не всегда, но неизменно в постели.

- Я никуда не пропал. И скоро буду, - жестко, чеканя каждое слово, наконец, ответил он.

- И все, конечно же, объясню. Только тебе это, вряд ли, понравится.

Заметив обеспокоенный взгляд жены, он ободряюще улыбнулся и притянул ее к себе.

- Итка, мне надо идти.

- А ты мою стряпню отведать так и не рискнешь? - деланно сердито пропыхтела девушка.

- Ладно, только давай быстрее, - шепнул ей Тоха, целуя в ушко и направился в душ.

Завтракали в молчании.

- Ит, все еще дуешься? - осторожно спросил Антон, глядя как девушка насупила бровки.

Вот уж не думал он, что она так серьезно расценит эту его попытку вправить ей мозги, наставить, так сказать, на путь истинный. Теперь же, чувствуя себя виновато и неловко, он не знал, что еще можно сказать. Женщины - непостижимые, загадочные существа, и воспринимают все совсем иначе, чем мужчины.

- Нет, - немного замявшись, ответила Ита. - Только не делай больше так. Обещаешь?

- Не буду, - с облегчением выдохнул Тоха и робко улыбнулся. - Клянусь.

Он залпом выпил кофе и поднялся.

- Я пошел.

- Антон, - окликнула его у выхода девушка. - Это ведь Дарнов звонил?

Мужчина кивнул, думая, что когда не нужно, женщины могут быть еще и удивительно проницательными.

- Тош, - несмело попросила Маритта. - Не надо, а?

- Ита, - зло буркнул Горский, уловив, что она догадывается о том, что он собирается делать. - Вот это точно уж не твое решение. Я прав? - и хлопнув дверью, вышел.

Глава 6.

Маритта металась по дому, заламывая руки, то и дело подбегая к окну, будто бы надеясь, что Антон одумается и вернется. Когда ей уже практически удалось собрать волю в кулак и заняться посудой, оставшейся после завтрака и уныло ожидавшей, когда ее помогут, в дверь постучали. Вздвогнув, Ита крадучись, вышла на террасу, и тихонечко отодвинув шторку, воззрилась на посетителя.

На крыльце, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял Иван, по кличке Косой. Он снова громко постучал в дверь. Девушка решила открыть ему, немножечко подумав и рассудив, что раз Горский разрешил в случае чего обращаться к его родителям, то и от самого Ивана прямой угрозы не исходит. Наверное, все же Антон ему доверяет.

- Опа! - воскликнул Косой, - а ты че здесь делаешь?

- Я тут как бы живу, - засмушалась Маритта.

- Не понял? - растерялся мужик.

- Мы с Антоном поженились, - скромно опустила глаза девушка. - И теперь живем вместе.

- Все равно не понял, - продолжал тупить Иван. - Как поженились? Когда только успели?

- Пару дней назад, - терпеливо пояснила Ита. - Сразу, как он только из Америки приехал.

- А..., - постепенно Косой начинал врубаться. - Так он все это время у тебя был?

- Почти, - вздохнула Маритта, зябко поеживаясь. Она накинула на себя куртку, но ноги были в тонких носочках и стали подмерзать, - да ты не стой на пороге. Проходи.

Иван нерешительно шагнул во внутрь помещения.

- И где Шторм? - выдал он, наконец, вопрос, который и намеревался выяснить с самого начала.

- Пойдем на кухню, - предложила Ита, чувствуя, что разговор предстоит долгий.

Разливая чай по чашкам, девушка раздумывала над тем, с чего бы начать. С одной стороны - времени было мало, с другой - важно все правильно объяснить.

- Ваня, - она присела напротив него. - Антон и я... Короче, мы давно нравились друг другу. Но Тоша не торопился развивать взаимоотношения, отложив это до своего возвращения из штатов. Он посчитал, что нам обоим нужно время на размышления. А пока он был в отъезде, Дарн, - Ита запнулась, не зная, как все это преподнести. - Он... он приехал ко мне через пару месяцев после того, как отпустил... Мирэк, видимо, не привык, когда ему отказывают... И...

- Тебя трахнул, - закончил быстренько за нее Косой, которому надоела эта тягомотина, и который привык, по своему обыкновению, называть вещи своими именами.

- Поразительная прозорливость, - съязвила девушка. - Не трахнул, а изнасиловал, если быть точнее. Я не хотела этого. Он мне никогда не нравился. И за то время, что прошло до того, как ему вздумалось снова навестить меня, вовсе не пересмотрела свои взгляды относительно него.

- И че? - Иван был, похоже, не сильно тронут ее горем.

- А то, - взвилась от его толстокожести Маритта, - что Тоха поехал Дарнову морду бить. А ты тут сидишь, и тормозишь со страшной силой.

- Так бы сразу и сказала, - разъярился Косой, - а то: нравится, не нравится...

Он вскочил со стула и помчался к двери.

- Давно Шторм уехал?

- Почаса или минут сорок назад, - Ита побежала вслед за ним. - Вань, ты не думай. Я не хочу, чтобы они поубивали друг друга из-за меня. Но Тоха и слушать ничего не хотел...

- Сиди тут, - обернулся уже на выходе Косой.

- Развелось вас тут, командиров, - пробурчала Маритта, запирая за ним дверь. - Можно подумать, у меня еще варианты есть. А то вдруг я, глупая баба, решу пешочком по морозу километров в пятьдесят прогуляться.

Маритта места себе не находила. Телевизор смотреть не могла. Прибраться тоже. Все валилось из рук. Перед глазами всплывали страшные картинки: Тоха, избитый до смерти, или с простреленной грудью. Она не понаслышке знала о невероятной силе Дарнова. "Силой боженька тебя наделил, а на мозги пожадничал", - бубнила тихо девушка, меряя шагами комнату. - "Не такой уж ты и совершенный, как о себе возомнил. Нужно на чем-то природе отдыхать. Придурок. Ушлепок недоделанный. И ни совести, ни сердца у тебя нет. Да вообще нифига нет, кроме мордашки твоей смазливой. Тфу.. Только шлюшкам на радость".

На улице давно стемнело. Девушка прилегла на диван. От всех этих метаний и переживаний ее стало опять подташнивать. Голова кружилась. Вдруг, когда ей почти удалось задремать, она услышала во дворе шум подъезжающего к воротам автомобиля. Ита встрепенулась и побежала к двери. В дом ввалились Тоха и Косой, пьянющие в дрызг. Девушка немного опешила. Мужчины расположились на диване, продефилировав мимо нее, словно не замечая. Попутно Шторм прихватил из комода бутылку водки и пару стопок.

Маритта уперла руки в бока и встала напротив них, загораживая собой телевизор и прожигая мужчин яростным взором.

- Во, - пьяненько промычал Косой, - реальная супружница. Щас нотации читать станет.

- Я ей почитаю, - также запинаясь и растягивая слова отвечал ему Тоха. - Вот пусть только начнет орать...

Ита отметила разбитые в кровь руки мужа, рассеченную бровь и уже начинающий расплываться синяк на скуле.

- Не дождетесь, поросята, - прошипела злобно она и прошествовала на кухню.

Там она вытащила из шкафчика аптечку, швырнула ее демонстративно рядом с бутылкой на стол, и легла на кровать, игнорируя продолжавших разгул мужиков, рассудив, что разговаривать сейчас с ними о чем-либо просто бесполезно и себе дороже.

- Ну, и чего ты теперь делать собираешься? - пробасил Иван.

- Не знаю, - она услышала бульканье разливаемой по стопкам водки, - я давно в отпуске не был. Потом что-нибудь придумаю.

- Да ты быстрее думай, - Косой опрокинул стопку и хрюкнул. - Ребята, как узнают про ваши разборки - все на измене будут. Сам знаешь, они к Дарну только за тобой пошли. Не признают они другого пахана...

- Не признают...

Опять бульканье.

- Не ссы, Косой, где наша не пропадала. Завтра мерковать будем...

- Смотри... А так... Ваще: за шмару впрягаться.. Не дело это...

На этом месте Ита дернулась, а затем сжалась в комочек (это почему еще она - шмара?), надеясь, что они не заметили, что она подслушивает. Но беспокоилась она зря. Друзья не обращали на нее никакого внимания, словно позабыв о ее существовании.

- Думаешь, гайку нацепил - теперь за нее в ответе? - продолжал гудеть Иван. - Кенты тебя реальным мужиком считают... Был бы конкретный наезд, а так... Баба у тебя косячная... Мартышка, бл...И нечего из-за нее понты колотить...

- Исчезни, Косой, - загремел Шторм. - И без тебя погано...

Маритта услышала звук захлопнувшейся двери, затем тихое похрапывание, доносящееся с дивана. Она долго лежала, не в состоянии заснуть, кусая губы, стараясь прогнать щипавшие в носу слезы. Нет, она не будет соплывать из-за него подушку. Велика честь. Утро вечера мудренее. Завтра он проспит, и она прояснит все темные для себя моменты. А сейчас нужно поспать. Вся эта нервозность не пойдет на пользу ее малышу. Только ближе к утру ей удалось забыться коротким беспокойным сном...

Разбудил девушку звон посуды, доносящийся с кухни. Она поднялась, потерла глаза, прогоняя остатки сна, и подошла к Антону. Он, помятый с опухшим лицом жадно глотал воду прямо из графина.

- Уйди, - зарычал он на девушку, ставя емкость на место.

- Из кухни? Или вообще от тебя? - решила все же уточнить Ита, несколько не пугаясь его свирепого вида.

- Как хочешь, - был ей ответ.

- Хорошо, - Маритта спокойно присела за стол. Тон ее был суров. - Я уйду. Но сначала объясни мне, какого хрена вы вчера накирялись с Косым, как последние свиньи. И про базар ваш гнилой. Почему это еще я - шмара и баба косячная? Чего я, по-вашему, сделала такого, чтобы меня так опускать?

Шторм наклонился к ней, опираясь одной рукой на стол, другой он крепко прихватил ее за подбородок и задрал голову, заставляя смотреть в глаза.

- Ратэк сказал, что ты сама ему дала. И была совсем не против. Что чуть не подохла от счастья, пока он тебя драл. А про то, что он с тобой побаловался - придумала все. К жене его приревновала. Просто бесишься, что он на тебя забил. А мне по ушам проехала: какая ты вся бедная и несчастная, чтобы пристроиться хоть как-то.

Маритта задыхнулась от этих жестоких слов, от несправедливых обвинений, от того, что Антон не только смог хотя бы на минуту предположить, что все было именно так, как обрисовал Мирэк, а еще и поверить в это.

Она потеряла дар речи, а ее широко распахнутые глаза были сухи. Нет. Заплакать ей не хотелось. Взрывы негодования и иступленного бешенства готовы были вот-вот прорваться через тщательно выстроенную стену самообладания, затмить собой ее твердое, тщательно продуманное решение не поддаваться на провокации, не опускаться до скандала и простой бытовухи, словно психованная сварливая жена. Ита, после долгих ночных раздумий, уговорила, в конце концов, себя, что всякое в семьях бывает. Пока не свыкнутся, не притрутся люди к друг другу. Не научатся доверять, не привыкнут считаться со своей второй половинкой, постепенно расставаясь со своим эгоизмом и привычкой жить только для себя любимого. Все эти выводы казались ей правильными, и девушка постаралась набраться терпения. Но как вынести такое?

- И ты ему поверил? - выдохнула она, мотнув головой, высвобождая свое лицо из его пальцев.

- Ита, - вздохнув полной грудью, с поразительным спокойствием произнес Тоха. - Признайся: ты специально это все подстроила, чтобы быть поближе к Миру. Ты знала, как я к тебе отношусь и сыграла на этом. Скажи... я ничего тебе не сделаю...

- Нет, - девушка порывисто вскочила. - Мне не в чем сознаваться. Это все - твоя безумная ревность. Совершенно ненормальная. Необоснованная. Она не дает тебе трезво мыслить. И вот - ты уже готов поверить ему, а не мне. И чем, позволь мне узнать, я заслужила такое недоверие?

- Ты действительно нуждаешься в ответе? - прищурился Антон.

- Я не собираюсь с тобой спорить. - Маритта направилась к шкафу.

Она достала оттуда свитер и теплые джинсы.

- Я вообще не считаю нужным с тобой это даже обсуждать. Когда придешь в себя, тогда и поговорим.

- Я Мирэка знаю давно. Еще с самого раннего детства. И он никогда не давал повода ему не доверять. Никогда не подставлял и не предавал. Тогда как ты уже за пару месяцев успела накосячить так, как не каждый дешевый фраер сумеет.

Мужчина стоял за ее спиной и наблюдал, как она одевается.

- Ты живешь по своим каким-то своим, только для тебя и твоих кентов ясным понятиям, - повернулась к нему Ита, натянув свитер. - А я - по простым, человеческим. И честь и совесть - для меня вовсе не свод тупых правил, принесенных на свободу зеками. Но тебе этого, видимо, не понять...

Она юркнула мимо него и сняла с вешалки пальто.

- Куда собралась? - прорычал Тоха, словно, до него только теперь начало доходить, что девушка решила уйти.

- Ты и Баллону тоже доверял, - гневно выплюнула ему в лицо вместо ответа Маритта. -

Ну и? ... Хватит с меня... Если твои дружки-подельники для тебя важнее, чем я - то на здоровье. Я уйду. Все равно у нас с тобой ничего не получится...

- Никуда ты не пойдешь, - Антон вырвал у нее из рук одежду и, схватив за запястье, оттащил от двери и толкнул на постель.

- Только попробуй смыться, - гремел Горский. - Найду, приволоку обратно и привяжу к кровати. Поняла?

Маритта, потирая руку, только изумленно хлопала на него глазами: "Да чего он вообще от нее хочет?"

Не дождавшись ответа, мужчина схватил куртку и вылетел за дверь. Ита услышала, как в скобах щелкнул увесистый ржавый замок, который она там недавно заметила, не понимая его предназначения. В доме все равно особо брать было нечего, да и, при желании, можно было в окна забраться. Недоуменно пожав плечами, девушка растянулась на ложе: "Это только гриппом все вместе болеют, а с ума поодиночке сходят!" - вспомнила она фразу из мультфильма "Трое из Простоквашино". "Это что же тогда получается? Это я, что ли, с ума сошла?" - подумала она.

Глава 7.

Вернулся Горский домой только вечером следующего дня. Маритта выражала полнейшее самообладание, сдержанность и даже некоторую флегматичность. Она для себя решила, что ни один мужик не стоит того, чтобы рвать из-за него на себе волосы. Ничего - перебеситься. А ей нужно заботиться о ребенке. Не хватало еще того, чтобы ее переживания как-то отразились на его состоянии. У нее и вместе со здоровым ребенком родиться множество проблем и неприятностей, а уж с больным чего она будет делать...

Ита накрыла на стол и стала одеваться.

- Ты куда? - всполошился Антон.

- Тоша, ты можешь лезь в бутылку и юродствовать сколько тебе влезет, а мне необходим свежий воздух. Не переживай - не сбегу. В отличие от тебя - я не привыкла сбегать от проблем.

- Кто бы говорил, - буркнул Тоха, с волчьим аппетитом набрасываясь на еду.

- Поистаскался, бедняжка, - довольно хихикнула Маритта уже на пороге, закрыв за собой дверь. - Впрочем, кто его знает. Как волка ни корми - он все в лес глядит.

Она предполагала, что Антон просто на стену лезет от ревности, не зная, как еще выплеснуть боль сомнений, семена которой посеял в нем Дарнов. Как люто она того ненавидела! Ох, уж попался бы ей сейчас Мирэк под руку, придушила бы. Зачем он так сказал? Ну, ладно, он. А Антон? Он-то обязан ей верить. Но больше Ита не собиралась его уговаривать и разубеждать. Тоша сам должен дойти до этого. Сам. Иначе ничего не имеет смысла...

Антон спал на диване. Вот уже пошел второй месяц. Они друг с другом почти не

разговаривали. И это стало входить в привычку. Общались только по существу, перебрасываясь короткими фразами в случае необходимости. Никто на сближение идти не хотел. Маритта готовила пищу и хлопотала по дому. Но не переставала дуть губы. Горский пропадал где-то целыми днями, иногда приезжая уже за полночь, а то и совсем не ночуя в деревне. Где он бывал и чем занимался, Ита расспрашивать не хотела. Она исправно гуляла, питалась полезными продуктами исключительно по диете, прописанной доктором Алеманом. К нему ее регулярно возил муж. Девушку перестало тошнить, и она стала набирать вес. Тоха тоскливо косился или же вовсе отводил глаза от ее, увеличивающегося буквально по дням живота.

Новый год она провела у родителей, к которым отвез девушку по ее просьбе Тоха. Где сам он проводил этот семейный праздник, Маритта так и не узнала. Сжав зубы, она прогоняла то и дело подступавшие к горлу рыдания. Не о такой семейной жизни она мечтала. Ну, почему ей так не везет? Третий раз замужем: и ничегошеньки не меняется. Она вспомнила, что с Виталиком они тоже некоторые праздники проводили врозь. Были какие-то причины: ссоры или иные обстоятельства. Но тогда она не воспринимала это так близко к сердцу. Не любила... Поезд их с Тохой нечаянно возникших чувств, страстей, раскаленных, как лава, несся под откос. И никакой возможности его остановить. словно, те волшебные ночи, полные нежности и ласки ей приснились.

Вскоре Иту уже перестала напрягать отстраненность и замкнутость мужа. Она почти не волновалась, полностью погрузившись в радости предстоявшего материнства. "Конечно", - иногда думала она. - "Ему проще палец себе откусить, чем признать свою неправоту и извиниться. Извиниться в который раз".

В деньгах Антон ее никак не стеснял, выдав пластиковую карту и объяснив, как ей пользоваться. В случае его отсутствия ее до города подвозил отец Ивана - Валентин Иванович или дядя Валя, как он попросил его называть. Этот кругленький плотный мужичок сразу вызвал у Маритты горячую симпатию. Он почти все время был весел и открыт, балагурил и пытался всячески поднять ей настроение. Его исконно деревенское простодушие умиляло девушку.

Жена дяди Вали - Анна Николаевна также была очень приветлива. Все время звала на пироги и просто поболтать, предположив, что ей одной скучно.

"Да не горюй ты", - сказала однажды она, когда Ита поделилась с ней своими мыслями по поводу их с Антоном напряженных семейных отношений, и таких, которые она считала правильными. - "Образумится твой балбес. Побеснуется немного и утомониться. Молод еще. Горяч. А ум-то - он только с возрастом приходит".

Анна Николаевна и Валентин Иванович помогли освободить Маритте угол для малыша и установить кроватку. Антон ничего не сказал, когда увидел, как девушка любовно раскладывает купленные ей накануне игрушки на свежестриженные полочки возле колыбельки. Он последнее время вообще не выражал никаких эмоций, все делая машинально: ел, пил, ложился спать. Иногда Ите казалось, что он сильно устает, но чем он все-таки занят, она спросить не решалась.

Ворочаясь одиноко бессонными ночами на большой постели, Маритта мечтала о тепле и ласке. Это было сейчас ей так необходимо. Порой она уже сама готова была первая пойти на примирение, но останавливали ее совсем не собственная правота, а бесстрастие и сухость в обращении к ней мужа, обдающие ее ледяной стужей.

Однажды, проснувшись утром, она увидела, как Горский собирает свои вещи.

- Ты куда-то уезжаешь? - отважилась Маритта задать вопрос.

- Да.

Как обычно. Коротко и сухо. Без комментариев и объяснений.

- Куда? - на этот раз девушка собралась проявить настойчивость.

- Далеко.

- Надолго?

- Не знаю.

- Вот и поговорили, - Ита откинулась на подушки.

Антон надел куртку и повесил сумку на плечо. Он услышал, как с кровати доносятся тихие приглушенные всхлипывания. Маритта пыталась заглушить их, уткнувшись в подушку. Тоха с обреченным рыком бросил поклажу на пол.

- Ит, Итка, - он сгреб девушку в охапку и прижал ее голову к своему плечу. - Ну, не реви ты.

- Я..Ик.. тебе не врала... Ик, - девушку, как обычно, во времена сильного волнения пробило на икоту. - А ты мне верииишь... Ты меня не любиииишь... Я тебе не нужна....

- Итк, ну перестань, - голос мужчины дрожал. - Тебе же нельзя... Верю я тебе, - неожиданно для себя самого сломался Антон.

- Не верииишь... Ик...

- Слушай, давай ты успокоишься. Я приеду, и мы поговорим? Лады? - подготавливал путь к отступлению Тоха.

- Ты не приедешь. Ты меня бросааааааешь...

- Да Итка, бл., - Горский встряхнул девушку, отстраняя от себя и заглядывая ей в лицо. - Завязывай ты. Сказал же: приеду. Как только смогу.

- Не тряси меня. И без того тошнит, - пробухтела, утирая слезы кулачком, Маритта.

- Итка, это важная поездка. Я уже опаздываю. А тут еще ты. Если что-то случится - сразу звони. Я два своих телефона забил в твой мобильник. И Иван теперь почти все время тут: у родителей. Если что - прямо к ним. Они тебя проведывать будут. Я их попросил почаще заглядывать. Ну? Все?

Ита кивнула и слабо улыбнулась. Антон неожиданно впился в ее губы горячим скорым поцелуем и быстрым шагом направился к двери. У выхода он обернулся:

- И не забудь в конце недели к доктору съездить. Я дядю Ваню предупредил, чтобы заехал за тобой.

Маритта вышла из кабинета доктора Алемана, счастливо улыбаясь, сжимая в руках распечатки УЗИ.

- Ну и как мы тебя назовем? - спросила она пока еще безответное чадо, поглаживая свой изрядно выдающийся живот.

Подняв взгляд, она выронила бумажки и сильно побледнела. Напротив, вперившись в нее своим пронзительным взглядом цвета грозового неба, стоял Мирэк. Он медленно наклонился и поднял рассыпавшиеся под ногами листки.

- Вот так сюрприз, - насмешливо протянул Дарн. - И когда это Тоха успел?

- Не твое дело, - хотела грозно рявкнуть Ита, но с губ ее слетел какой-то мышинный писк. Она его боялась. Боялась так, что колени подгибались, а сердце стучало где-то в ушах.

Странно, но как бы не злился на нее Антон, она его не опасалась, может быть, на уровне

подсознания ощущая, что он ей вреда все равно не нанесет. Не сможет он сделать ей больно, если только не нарочно. Моральные травмы, которые он причинял, ранили больше его. Или же их обоих. Тогда, как Дарнов... Казалось, он испытывал какое-то садистское удовольствие, глядя на ее мучения.

Мирэк внимательно рассматривал ее живот.

- Какой срок? - деловито осведомился он. - И кто, все-таки, папаша?

- Я уже сказала: не твое дело, - на этот раз у Маритты получилось тверже.

Она развернулась и хотела было гордо удалиться, но Дарн схватил ее за руку.

- Пусти, - прошипела она. - Я все Антону скажу. И он... Он тебе снова морду начистит.

- Из-за тебя, - невозмутимо произнес Мирэк, продолжая удерживать девушку, - у Тохи и так проблем хватает. Не надо усугублять ситуацию.

- Единственная наша проблема - это ты, - повысила голос Ита. На них уже стали оборачиваться другие посетители клиники. - Да чтоб тебе... чтоб тебе пусто было. Зачем ты сказал Антону, что все у нас было по согласию?

- Чтобы он знал: не твое - не трогай.

- Спятил, - девушка снова предприняла попытку освободить запястье, и все с тем же результатом. - У тебя жена есть.

- От нее я скоро избавлюсь, - бесстрастно известил ее мужчина.

- Ты - псих, - взвизгнула Ита, пнув его под колено.

От неожиданности Мирэк отпустил девушку, и она бросилась бежать.

- Я все равно все узнаю, - прозвучало ей в след.

Глава 8.

Плюхнувшись на заднее сидение автомобиля, Маритта нервно попросила Валентина Ивановича:

- Поехали отсюда быстрее, пожалуйста.

Он удивленно оглянулся, но ничего не сказал, заводя машину. Про себя подумав, что все беременные женщины жутко нервные.

Ита лихорадочно жала кнопки на телефоне. Ей так хотелось хотя бы услышать голос Антона. Без него она сейчас себя, как никогда, чувствовала слабой и беспомощной. Жутко расстроенная девушка зашвырнула мобильный обратно в сумочку.

- А Ваня сейчас дома? - спросила она.

- Должен быть, - прозвучало в ответ.

- Тогда давайте сначала к вам...

Косой сидел за столом, сверкая лысиной в лучах зимнего морозного солнца, льющего в окно, и поглощал обед. Именно поглощал, чавкая и похрюкивая.

- Вань, ты знаешь, куда поехал Антон?

Мужчина пожал плечами и продолжил свое занятие.

- Ваня! Мне он срочно нужен! А я не могу до него дозвониться. Попробуй ты. Может, он просто со мной разговаривать не хочет.

- Сейчас, - Косой продолжал жевать.

Ита присела за стол напротив него, и, схватив тарелку с борщом, придвинула ее к себе.

- Звони.

Иван вздохнул и с понурым видом, вытирая пальцы о штаны, достал из кармана телефон. Через некоторое время после всяческих манипуляций с ним, он отрапортовал, возвращая себе тарелку:

- Результат тот же. Дай пожрать, а?

- Ты хоть можешь объяснить, что у него там за дела?

Ваня снова отложил ложку.

- Шторм работу ищет. Здесь с подачи Дарнова ему нигде не устроится. Тот все его начинания губит на корню. Весь кислород перекрыл. И снизу, и сверху. А денег у Антона мало. Он все в землю и в недвижимость вкладывал, на примере Ратэка. И все это добро ему сейчас тоже не продать. Дарн не дает. Прижал по полной. Ребята наши от Дарна ушли вслед за Тохой. Рат бесится. Людей надежных найти нелегко, да и проверять долго. А пацаны в отместку теперь также без дела сидят. Хорошо ты подосрала...

- Почему это я? - обиделась Ита.

- А кто еще? Из-за тебя весь шухер ... У Тохи из-за тебя вся жизнь наперекосяк.

Девушка уронила лицо в ладони.

- Я когда Шторма нашел, после того, как от тебя уехал, они с Миром уже сцепились. Не успел я. Да и вряд ли смог бы их помирить. После того, как Дарн проорал, что ты сама у него на шее повисла, а Шторм тебе нафиг не нужен, Тоха ваще спятил, озверел словно. А Рат только подлил масла в огонь, расписывая, как тебе с ним хорошо было. Братаны, которых я с собой прихватил для надеги, насилу их растащили. А то б так и бились на смерть. Довольна?

Иван еще отхлебнув борща, печально бросил ложку возле тарелки. Аппетит у него пропал.

- Чего у тебя-то случилось?

- Пока еще ничего. Но скоро случится. Я уверена. Мне очень! Очень нужно с ним поговорить.

- Слушай, ты иди пока домой. И жди. Я буду ему периодически позванивать. И ты звони. Если дозвонюсь первым - попрошу, чтобы тебе перезвонил. Окей?

- Ладно, - девушка встала и побрела на выход.

- Ит, - услышала она вдогонку, - а че случиться то должно?

- Этого я еще не знаю, - она остановилась у двери. - Но уверена: тоже ничего хорошего.

- Ты... это... если че, сразу мне позвони... А лучше, прямо к нам.

Маритта кивнула. Когда дверь за ней захлопнулась, Косой обескуражено уставился на отца.

- Да у них это бывает у беременных. Переживают из-за всякой ерунды. А все, что по делу - мимо идет, - успокоил его тот. - Ну, я все равно еще вечером к ней загляну. Проверю.

Прошло еще две недели. Девушка потихонечку начала успокаиваться. Может, она напридумывала себе это все? И Дарнову она нужна, как собаке пятая нога, так же, как и их ребенок. Антон ей перезвонил тем же днем, и она все ему рассказала. Он долгое время молчал, возбужденно дыша в трубку, затем сказал, что скоро приедет и все решит. Он, в принципе, на данный момент этим и занимается. Объяснит потом, когда все уладит. И что

дозвониться ему сложно, потому что там, где он находится: связь плохая. Но он сам будет ей звонить. Каждый день. Что сейчас будет лучше, если она успокоится. Ратэк не сумасшедший, даже если она считает по другому. Он не причинит вреда беременной женщине. Так что, по его мнению, ее тревога безосновательна.

Обещание свое Тоха выполнял. Звонил регулярно, будя своими звонками Маритту по утрам. Спрашивал, как дела, пару минут слушал, перебивал, когда девушка забалтывалась, прощался и отключался.

Вот и этим ранним утром, поговорив с Антоном ни о чем, Ита положила телефон на тумбочку и потянулась в кровати. Она, как бы, ощущала его присутствие. Ей было хорошо. Он помнит о ней. Беспokoиться. Она была почти счастлива.

Маритта позавтракала и села шить приданое для ребенка. Она, конечно, могла все купить, но ей было приятно сделать его своими руками. Сына, в больнице уже установили пол младенца, девушка постановила назвать Дмитрием, в честь отца Антона. Об этом ей сказал дядя Ваня. Он много чего еще поведал Ите, о чем разузнать у Тохи она не успела.

Отец ее мужа (невероятно) служил в госорганах. Он погиб на задании. Нелепая и бесполезная смерть. Ошибка начальника-самодура. Мать Тохи слегла от горя. И ему, в свои неполных семнадцать лет, пришлось взвалить на свои плечи заботу о семье. На Горского, помимо матери, легла еще ответственность за младшую сестру. Пособия по случаю потери кормильца на жизнь не хватало. Тоха целыми днями пропадал, ища подработки. Хорошую работу несовершеннолетнему пацану найти было трудно. Его сестре Викуле было тогда пятнадцать. Она росла взбалмошной девчонкой, привыкшей полагаться на защиту отца и старшего брата. Оставшись без присмотра, девочка стала гулять. Целыми днями напролет шаталась по улицам, зависала на дискотеках, совсем забросила школу. На недовольство брата внимания не обращала. Знала, что серьезно обидеть, побить не сможет. Что он ее любит, и только ругается, но все равно простит.

Однажды истерзанное тело Викули нашли в лесу. Ее изнасиловала и убила какая-то заезжая шпана. Антон в это время находился в больнице. Он надорвался, разгружая вагоны. Да и непосильный физический труд на еще несформировавшийся организм оказал разрушительное воздействие. Его здоровье нуждалось в срочном восстановлении. Лечение предстояло продолжительное и дорогостоящее.

Насильников так и не нашли. Выйдя из больницы от горя и безысходности Тоха запил. Мать Горского, не выдержав второго удара, скончалась, пока он находился в стационаре.

Однажды Шторм, возвращаясь домой из кабака, натолкнулся на каких-то отморожков, которые решили его отмутузить так, потехи ради. Пребывавший в постоянном состоянии глухой злобы, Антон впал в неистовую ярость и раскидал обидчиков, как тряпичных кукол. Через пару дней парнишку отыскал главарь бандитов - Карл. Предъявы выставять не стал, а позвал деревенского силача работать к себе, пообещав найти и наказать убийц его сестры. И обещанное исполнил.

Антон, помимо выдающейся физической силы, проявил недюжинный ум, и спустя некоторое время стал правой рукой Карла, а потом и вовсе его партнером, когда набрал собственную группу ребят и стал самостоятельно находить и проворачивать некоторые дела. Карл не был против, постепенно легализовывая свой бизнес, обрастая связями и выплывая на поверхность. Такая поддержка с теневой стороны ему была очень кстати.

А потом Горский встретил Мирэка. Они вместе задумали начать одно большое, но верное дело, перестав расплываться по мелочам. Шторм распустил свою банду, оставляя только самых надежных и верных людей, организовывая службу безопасности Дарнова. Но одной ногой он продолжал стоять по ту сторону закона. Иначе не получалось.

Маритта уколола палец иглой и вскрикнула. Задумавшись, она отвлеклась от своего занятия, автоматически делая стежок за стежком, не сильно обращая внимание на то, что получается. А получилось неважно. Совсем расстроившись, она отбросила шитье в сторону, и решила пойти погулять, пока еще не совсем стемнело.

Не успела она отворить входную дверь, как в нее постучали. Девушка по старой привычке выглянула в окно. На крыльце стоял Дарн.

У Иты кровь отлила от лица. Она стояла, кусая губы, теребя подол пальто похолодевшими дрожащими пальцами. Что делать? Звонить Антону? Он все равно не успеет приехать. Косому? Чем он ей поможет? Уж он то точно не будет драться с Мирэком из-за нее.

- Ита, открой. Я знаю, что ты там, - от этого голоса, долгое время преследовавшего ее в кошмарных снах, девушка покрылась гусиной кожей.

Страх сковал все ее члены, ноги ослабли. Маритта обессилено прислонилась к стене.

- Ита, я обещаю, что не трону тебя. Открывай или вынесу дверь.

Понимая, что это не простая угроза, девушка тихо заплакала. Ее колотило. Непослушными руками она сдвинула засов. Все равно, если хочет войти - то войдет.

- Не нужно от меня прятаться, Ит, - тихо проговорил Дарнов. - Я всегда знал, где ты.

Несмотря на двадцатиградусный мороз, мужчина был без шапки. Волосы его значительно уменьшились в длине. Теперь они были уложены в аккуратную стрижку. Короткая дубленка, распахнутая на груди, открывала белоснежный свитер под горло.

- Что тебе нужно? - отчеканила она с бесстрастным лицом, расправив плечи и всеми силами пытаясь скрыть свой отупляющий ужас.

- Ита, - он сделал шаг к ней, а она синхронно - шаг назад, - Ита, послушай. Я знаю, ты меня не простишь. Знаю - виноват. Сорвался я тогда. Я места себе не находил, когда ты ушла. На стену лез. Чувствовал, что постепенно схожу с ума. Мне в каждой встречной женщине чудилась ты. Я все надеялся, что пройдет. Не прошло.

- Полно те, - оборвала его девушка, которой почему-то стало тошно от этих его излияний. - Я еще могу допустить, что ты пару месяцев боролся с собой. Но, то, что ты изнасиловал меня и бросил, не особо заботясь о том, что со мной станет... Да не смей...

- Я всегда знал: где ты и что с тобой, - спокойно и терпеливо повторил Мирэк. - Тебе, должно быть известно, что я был вынужден жениться на Миранде. Если бы она или сеньор Алонзо узнали о тебе, о том, что связь между нами все еще продолжается - они бы тебя просто уничтожили. Я ждал. Ждал удобного момента, чтобы избавиться от них. Но ты ждать не стала. Ведь наврала мне все о том, что между тобой и Тохой ничего не было. Всегда врала. Но я не беспокоился: Шторм же был в штатах. И я надеялся, что он пробудет там долго. Если бы тогда около тебя начал виться хоть один мужик - мои бы люди с ним побеседовали. Я надеялся, что пройдет время, и твоя злость поутихнет. Тогда мы сможем попробовать начать все сначала... - Он грустно усмехнулся, взгляд его был полон томной печали. - Но ты выскочила замуж за Антона. Этого я предусмотреть не смог. Как и то, что ты забеременеешь. Ты не была у врача. Ты вообще не ходила по больницам. И я думал, что с

тобой все в порядке...

- Не думай, что все это меня тронет. Что тебе нужно? - снова храбро перебила его Маритта. - Говори и уходи. Ты прав в одном: я не простила. И моя злость не утихнет. За то, что ты со мной сделал - не прощу никогда. Мне неприятно с тобой общаться. Так что давай, излагай свои пожелания и топай к своей жене. Она тебя, наверно, заждалась уже.

Гнев при воспоминаниях о той жуткой ночи, которые всколыхнул в ней Дарнов, опалил ее сердце с новой силой. Она позабыла о своем страхе и всякой осторожности, которую следовало бы проявлять при общении с этим мужчиной.

Дарнов сделал еще один шаг ей навстречу и закрыл за собой входную дверь. Ита отскочила от него, упершись спиной в дверь избы. Она как раз раздумывала о том: сможет ли эта дверь, сделанная из толстых массивных досок, оббитая плотной ватной обшивкой, выдержать натиск Мирэка.

- Ита, это мой ребенок? - словно сильнейший удар в лоб, прозвучал вопрос Дарна.

Маритта икнула. Мирэк рассмеялся.

- Ты всегда так делаешь, когда сильно волнуешься. Значит я прав...

Девушка молчала, глядя на мужчину круглыми как блюдца глазами.

- Я все разузнал в больнице. Он не может быть от Антона. Шторм тогда еще находился в Америке. А других мужиков у тебя не было, это я точно знаю, - продолжил Дарнов.

- Если ты все знаешь, зачем спрашиваешь? - отмерла Маритта.

- Я хочу услышать это от тебя.

- Зачем? - с губ девушки сорвался нервный смех. - Это все равно ничего не изменит.

Мирэк неожиданно резко сократил расстояние между ними и сжал Иту в объятиях, так что она даже не успела среагировать и проскользнуть за дверь избы, как намеревалась до этого.

- Ита, Иточка, - выдохнул он, покрывая ее лицо и шею горячими короткими поцелуями.

- Это все меняет. Ты моя... Моя. И Шторм не сможет ничего изменить. Мы все равно будем вместе. Обещаю. Нужно только немного подождать.

С Маритты слетела шапка, одежда растрепалась. Напрасно она пыталась вырваться. Ее начала охватывать паника.

- Пусти, - выдавила из себя девушка, задыхаясь в его могучих руках и стараясь увернуться от его губ. - Это ты не сможешь ничего изменить.

- Признайся, - потребовал Ратэк, поймав затылок отчаянно вертевшей головой девушки и заглядывая в ее светло карие глаза.

- Хорошо, - сдалась Ита. - Если тебе так хочется. Но при одном условии. Ты тоже признаешься...

- В чем?

- Ты расскажешь Антону, как все было на самом деле. О том, что я вовсе не бросалась тебе на шею. О том, что ты принудил меня. Взял силой, а я была не согласна. Баш на баш. Идет?

Дарнов рассмеялся.

- Идет, - и впился губами в ее рот.

Низкий голодный рык вырвался из его груди, к которой она оказалась прижатой. Если еще миг назад он удерживал ситуацию под контролем, то сейчас верх взяло неуправляемое вожделение. За его спиной хлопнула дверь.

- Так, - услышала голос Шторма ошалевшая от очередного насилия Ита, чувствуя, что

сердце ухается куда-то вниз, - А я смотрю, ты тут не скучаешь, жена.

Глава 9.

Мирэк отпустил девушку, злорадно ухмыляясь. Она отшатнулась от него и прижала руки к груди, чтобы хоть немного унять стук отчаянно колотившегося сердца. Если она сейчас начнет оправдываться, то только сделает хуже. Это Ита понимала. И молчала, переводя шальной взор с одного на другого.

- Ну? - насмешливо протянул Дарн, сверля злым взглядом побледневшего Антона. - Где истерика обманутого мужа?

Шторм угрожающе шагнул в его сторону. Девушка тут же метнулась и заняла позицию между ними, надеясь, что ее вид с трогательно выступающим вперед животом их хоть немного образумит.

- Не смей так говорить! - завизжала вмиг потерявшая самообладания Маритта. - Я никого никогда не обманывала. Ни его. Ни тебя.

- Да, ну? - в потемневших глазах Мирэка исчезла насмешка. - Забыла, как ты передо мной хвостом крутила? Вот месяц пройдет, и мы попробуем снова. Твои слова? А сама тут же на Тоху переметнулась. Решила со мной поиграть? Доигралась.

- Я тебе ничего не обещала. И это было до того, как ты меня в сарае подвесил, - прошептала девушка. - Тоша, - повернулась она к мужу, - между ним и мной никогда ничего не было, нет, и не может быть.

- Кроме нашего сына, - уточнил Ратэк. - Это моя женщина. И мой ребенок. - Он свирепо сверкнул на Шторма синевой своих глаз и сжал кулаки. - Когда ты это поймешь?

- Убирайся, - прорычал Антон, двинувшись на Дарна попутно осторожно, но твердо отстраняя в сторону Иту. - Моя жена - не твоя женщина.

Рита бросилась к мужу и прижалась к нему всем телом. Она слышала гулкие бешеные удары его сердца. Она перепугалась до безумия. Они балансировали на грани. Ей казалось, что если они сейчас схлестнутся: она сойдет с ума. Она не сможет смотреть, как они калечат друг друга. Ей этого просто не вынести.

И она сделала то, что делает практически каждая женщина в безвыходной ситуации. Она разрыдалась. Горько, надрывно, безудержно. По своему личному опыту зная, какой растерянный вид бывает у Тохи, когда она принимается плакать. На этот раз смутился не только Антон. У Мирэка вид был тоже несколько оторопевший и озадаченный. И было от чего. Маритта рыдала с чувством, проникновенно, с подвываниями и полной самоотдачей.

- Скажи ему, - скулела она, судорожно цепляясь за курточку Тохи, - скажи ему, Мир, ты обещал.

- Что? - спросил обескураженный ее внезапной истерикой Мирэк.

- Скажи, что ты все наврал. Наврал, что я сама хотела... Что спала с тобой по собственной воле... Скажи...

- Ну, наврал, - пробурчал Дарнов. - И что?

- Зачем? - на удивление спокойно поинтересовался Антон.

- Все очень просто, Тоха. Ты думаешь, мне легко было, когда я каждый день думал о том, что она живет с тобой в одном доме, спит в одной постели? Что к тебе прижимается ночами и стонет под тобой? Мне хотелось, чтобы ты в полной мере ощутил то, что чувствую я. Ну, как? Понравилось? Теперь ты понял?

- Я убью тебя, - вместо ответа загремел Горский.

- Ааа, - взвизгнула Маритта и охнула, схватившись за живот.

Она стала оседать на пол, издавая протяжные стоны.

- Что? Где болит? - всполошился Тоха.

Дарнов тоже подскочил к ней, одновременно вытаскивая телефон и набирая доктора Алемана.

- Ну, что? Добился своего? - заорал на него Антон, поднимая Иту на руки. - Сына своего хоть пожалей, урод.

Маритта лежала в постели, обложенная для удобства со всех сторон подушками. На тумбочке рядом с кроватью стояла чашка и чайник, с заваренными в нем травами мяты, ромашки и пустырника. В избе остро пахло валерьяной. На кухне гремела посудой Анна Николаевна, что-то сердито бормотавшая себе под нос.

Матвей Абрамович строго, как мальчишек, отчитывал пришибленно опустивших головы мужчин. Они стояли с повинным видом набедокуривших школьников и поразительно смиренно выслушивали его лекции по поводу заботы о здоровье беременной женщины и ее будущего малыша.

- Ведете себя, как подростки в период полового созревания, - ругался на них доктор Алеман. - А ведь взрослые здоровые мужики. Ума-то когда наживете? Дайте ей родить спокойно. Если хочется между собой разбираться - это пожалуйста. Хоть поубивайте друг друга. Только ее в это не впутывайте. Ей сейчас самой до себя. Или вы хотите, чтоб она сына потеряла? Или сама погибла? А, может быть, они оба?

Он повернулся к лежащей на кровати с самым несчастным видом Маритте, и, с хитринкой во взоре, подмигнул ей. Ита, закусив губу, чтобы не улыбнуться ему в ответ. И горестно всхлипнула. Станиславский ей бы уж точно поверил. Но роль нужно было играть до конца.

Ей не было стыдно вводить мужчин в заблуждение относительно своего самочувствия. Она - женщина, и если уж не имеет достаточно силы, чтоб растащить их по углам, то ей ничего не остается, как прибегнуть к мерам психологического воздействия. Может быть, Дарн теперь уgomониться хоть на время? И даст ей спокойно выносить ребенка? А там они с Антоном обязательно что-нибудь придумают.

Врач собрал свой чемоданчик и прошел к выходу.

- Пошли, Рат, - остановившись в дверях, позвал он за собой Дарнова. - Анна Николаевна и Антон вполне справятся. Ей сейчас покой нужен. И твое присутствие тут вовсе ни к чему.

Мирэк, бросив свирепый взгляд на Тоху, проследовал за доктором. Ита облегченно выдохнула.

- Антон, - приподнявшись с подушек, Ита позвала мужа, затихшего на диване.

В доме, наконец, настала долгожданная тишина. Только мерно тикали часы на стене. Тускло мерцал ночник. От хорошо протопленного камина веяло жаром. Упревшая девушка

скинула с себя одеяло.

- Антон.

- Что? - подскочил тот на диване. - Тебе опять плохо?

- Да, мне плохо, - капризно запричитала Ита. - Мне всегда плохо, когда тебя нет рядом.

А ты постоянно где-то пропадаешь. И я одна, совсем одна.

Шторм встал и подошел к девушке, присев с ней рядом.

- Ит, я работу искал, - тихо объяснил он, беря ее за руку. - Нам будут нужны деньги. И дом. И вещи для малыша.

- Я знаю, - Маритта сжала его большую ладонь своими тонкими пальчиками. - Иван мне все рассказал. Зачем Рат так делает? Почему ему не оставить нас в покое? Я думала, вы - друзья. И еще... я не верю, что он меня любит... Он просто не способен никого любить...

- Ита, - мужчина прилег возле нее и погладил девушку по плечу. - Может, и не любит. Но ты бросила ему вызов. Своим пренебрежением. Своим отказом. А наша дружба... Мир воспринимает это все, как игру. Пытается доказать, что он сильнее. Что он - главный. И, значит, имеет приоритетное право получать все, что захочет. А я обязан ему уступать. Не переживай. Это не серьезно. Он вскоре найдет себе новое увлечение, а про нас забудет.

- И что мы будем делать? Ждать, когда он успокоится? Уже и так много времени прошло. Сколько можно?

- Ит, - Антон приобнял ее за располневшую талию и поцеловал в ключицу. - Я нашел работу. В другом городе, точнее небольшом поселке. Далеко отсюда. Там закрытый секретный объект. Ни Дарн, ни сеньор Франчинелли ни когда не узнают, где мы. Никаких сведений о работающих там в открытый доступ не поступает. Берут всю мою группу. Ребята тоже едут с нами. Нужно только придумать, как исчезнуть незаметно...

- Когда мы уезжаем? - тут же оживилась Маритта.

Антон хохотнул.

- Скорая ты... Там нет еще ничего, ни дома, куда бы я мог тебя привезти. Ни знакомых, которых бы я мог попросить присмотреть за тобой в мое отсутствие. Дозвониться до меня, пока я на объекте, невозможно. Сама знаешь. Нужно все взвесить. Продумать, как следует. Я же не один туда еду. И денег найти. Дом, как ты понимаешь, нам никто не подарит.

- Тош, - девушка прижалась к нему, положив голову ему на плечо. - Я так соскучилась по тебе.

- Ит, - смутился Тоха, - да я теперь даже дотронуться до тебя боюсь...

- А если осторожно? - Ита с тихим вздохом завладела его губами.

По телу мужчины пробежала дрожь, и он жадным собственническим движением сжал ее ягодицу, прижимая бедрами к себе, давая почувствовать, насколько велико его желание.

- А я думала, что уже не нравлюсь тебе, - поддела его Ита, отрываясь от его рта. - Что ты считаешь меня толстой и некрасивой.

- Ты еще никогда не была настолько красивой, - пропыхтел Антон, уже не в силах сдерживать себя, разворачивая девушку к себе спиной и стаскивая с нее сорочку. - Сейчас ты это поймешь, - его жаркие губы прошли вдоль ее позвоночника.

Прошло еще три недели. Ите было хорошо, уютно с Антоном, который почти каждую ночь после трепетных, продолжительных ласк засыпал, прижавшись к ее спине, положив руку на ее налитую грудь, которой он уделял особое внимание, и которая вызывала у него почти детский восторг.

Иногда он ночевал в городе или по несколько дней к ряду пропадал где-то, возвращаясь взвинченным и уставшим. Маритту волновало это его долгое отсутствие, но она не роптала, понимая, что муж разбирается с проблемами, которые с настойчивым упорством подкидывал им Ратэк. Все равно она редко оставалась одна. То дядя Валя забегал на огонек, то его жена приходила проведать ее и поболтать о том, о сем. Даже сам Иван частенько захаживал, начиная благоволить к девушке. Но, как Ита подозревала, ему просто нравился ее мясной пирог, который особо хорошо у нее получался, или же аромат пончиков непреодолимо влек его на кухню, как запах сыра привлекал Рокфора из мультика про Спасателей. Косой любил поесть, и за любое вкусное блюдо был уже готов простить ей испоганенную жизнь друга.

Вот и в этот раз не дождавшись мужа, Маритта со вздохом легла в холодную постель. На улице свирепствовали февральские морозы. Камин давно потух, и в комнате было прохладно. Но ей не хотелось вставать и растапливать его заново. В этот вечер какая-то неизъяснимая тоска вгрызалась ей в сердце, дурное предчувствие холодило душу изнутри, вызывая оцепенение и нежелание двигаться. Лишь усилием воли ей удалось стряхнуть неприятное ощущение.

Натянув на себя повыше пуховое одеяло, девушка в конце концов согрелась и задремала. Проснувшись она от шума, раздававшегося из угла. Усевшись на постели, Ита уставилась на возмутителя спокойствия. Было уже почти утро. У камина в полотенце, заменявшем ему, по видимому, набедренную повязку, сидел Антон и подкидывал дрова в топку. Почувствовав на себе ее взгляд, он обернулся, и, улыбнувшись своей неподражаемой теплой завораживающей улыбкой, направился к ней.

- Разбудил? Чего ты тут холодильник устроила? Попросила бы Валентина, чтоб он отопление прибавил.

- Мне все равно без тебя будет холодно, - пожаловалась Маритта.

- Да, ну? - мужчина скользнул под одеяло и привлек Иту к себе.

- Ай, - пискнула девушка. - Холодный.

Они вместе рассмеялись. Антон поймал ее губы, прикинув к ним долгим жадным поцелуем, словно странник к источнику, желая напиться впрок.

- Ит, я сосну пару часиков, - попросил он, отпуская ее. - Мне скоро нужно выезжать.

- Ты куда? - разволновалась Маритта.

- Мне удалось продать квартиру в городе. Я уезжаю работать, заодно куплю там жилье.

- Когда ты вернешься? - у Иты на глазах проступили слезы.

- Не знаю... Но к рождению ребенка, точно вернусь.

- Нет, - категорично заявила девушка. - Или ты мне все расскажешь, или берешь с собой.

Почему нет? И что это за работа такая, что обязательно нужно оставлять меня здесь одну?

Антон вздохнул, поняв, что поспать ему не удастся, и опрокинулся на спину.

- Это частная исследовательская база. Одна крупная компания ведет там научные разработки. Меня туда один давний знакомый порекомендовал. Последнее время на объекте

участились случаи взломов, с целью извлечь информацию, и были попытки проникновения на территорию базы. Меня и моих ребят наняли для того, чтобы найти товарищей, которым так нейдет. Своего рода испытание. Если у нас получится: нашу группу во главе со мной возьмут в штат для постоянной охраны базы. Деньги там крутятся бешеные. И есть возможность для роста.

- Это опасно?

- Ита, вся моя работа всегда была связана и будет связана с некоторым риском. Я предупреждал тебя. Но что ты хочешь? Чтоб я горшки обжигал на заводе? Извини, это не мое.

- Ну почему ты не хочешь взять меня с собой? Я поживу там где-нибудь в гостинице. Тихо. Я не буду мешать тебе, обещаю, - плаксиво заканючила Маритта.

- Итка, - Тоха начал раздражаться. - Ты даже не представляешь, о чем говоришь. Гостиница в самом ближайшем к базе населенном пункте - это только одно название. Клоповник без горячей воды. С вечно поломанной канализацией и тараканами. А если ты в дороге родишь? Туда и дороги-то нет. Так, тропка звериная. Растрясет тебя, и что тогда прикажешь мне делать? Вот уже чего-чего, а роды принимать я не умею.

Девушка сидела, размазывая слезы по щекам, которые без спроса катились и катились из ее больших печальных глаз. Она пыталась сдержать всхлипы, но они то и дело прорывались через ее плотно сомкнутые губы.

- Итка, - закричал на нее Антон. - Давай ты не будешь мне тут истерики устраивать? Я тебя обо всем предупреждал. И о своей работе, и о том, что ребенок нам будет только помехой. Ведь говорил, что твоя беременность принесет кучу проблем. Но нет. Ты упряма, как ослица. Чего ты теперь от меня хочешь? Чтоб я сидел тут у твоей юбки, а, может, еще роль повивальной бабки выполнял?

Маритта съежилась и захныкала:

- Тош, не сердись. Я не нарочно. Я просто чувствую, что без тебя обязательно что-то случится. Всегда случается, когда ты далеко от меня. Мне страшно....

- Ну, что случится, Ит? - Антон сграбастал ее и прижал к своей груди, поглаживая по волосам, словно она была маленькой капризной девчонкой, которую он уговаривал не пищать из-за ерунды. - Тут Ванька остается охранять рубежи. Я ему сказал, что башку оторву, если с тобой что-нибудь случится. И ты, если что, сразу звони ему. Не пытайся все решать самостоятельно. Ты родишь тут нормально. В человеческих условиях. Под присмотром Алемана. А потом я вас заберу. Обещаю. А Дарн, он тебя не потревожит. Он мне слово дал. До рождения ребенка нервы тебе не трепать. Мирэк и сам тогда напугался сильно, когда тебе плохо стало.

- Мне уже через два месяца рожать...Мне страшно, - канючила она.

- Ну, хочешь, поезжай к родителям? - нашелся Горский. - С мамкой тебе спокойней будет. Лады?

Ита слабо улыбнулась и кивнула.

- Ну, вот и ладненько. Все? Давай спать.

- Я через две недели приеду, - напомнил ей Косой, высаживая девушку у дома родителей. - Шторм велел тебя к доктору на осмотр каждые две недели возить.

- Ты думаешь, он там долго будет? - озаботилась Маритта. - Ведь с ним на этой его работе ничего плохого не случится? Вань?

- Да не ссы ты, - буркнул Иван, - ну че с ним случиться-то может? Тоха опытный в этих делах. Подставляться зря не станет. Мы с ним и не в таких переделках бывали. А тут каких-то лохов найти, который даже шифроваться не умеют... Для него плевое дело. Так что не кукусь. Авось быстро вернется.

Маритта от Елизаветы Павловны, врача-акушера, проследовала в кабинет доктора Алемана. И у самых дверей столкнулась с Дарновым, который в тот момент оттуда выходил. Как всегда, блистательный, ухоженный и безукоризненно элегантный. Его утонченный вкус, изящество и неизменное очарование действовало ей на нервы.

- Ты специально за мной следишь? - зашипела она на него.

- Но должен же я знать, как там мой сын поживает, - довольно улыбнулся Ратэк, проводя рукой по ее животу.

Ита отскочила от мужчины, словно ее током ударило. Его сын! Она едва не расхохоталась ему прямо в лицо.

- Твоего сына тебя Миран родит, - рявкнула Ита. - А это мой ребенок. Мой. Ты понял? И забудь, что ты вообще имеешь к нему какое-либо отношение.

- Не получится, - все также сладко улыбался Мирэк.

- А ты постарайся...

- Маритта, - уже без улыбки возразил ей Дарн. - это мой сын. Мой наследник. И другого у меня, возможно, не будет. А ты можешь только мечтать о том, чтобы я об этом забыл.

Ита открыла рот, но потерялась в том, что собиралась сказать. Наследник? Он что, это серьезно? Мурашки поползли у нее по спине. Неужели он собирается предъявить права на ее мальчика? А, может, и вовсе его отобрать у нее? Не имеет права. Пусть сначала попробует доказать, что это его ребенок. Она Горская, и ее сын будет носить ту же фамилию. Он родиться в браке. Так что может ее не пугать. Ничего у него не выйдет.

- А Миран не сможет иметь детей. Никогда, - тихо добавил мужчина. - Я когда первый раз тебя в больнице встретил, к Матвею Абрамовичу на консультацию приходил. У нее врожденный порок репродуктивных органов. Никакое лечение не поможет. Это необратимо. Сама Миранда не сильно этим опечалена. Ей дети не нужны. Тогда, как я не вижу конечной цели моего проекта. Все теряет смысл. Какой резон создавать что-то, когда это все некому будет оставить? Все бессмысленно и бесполезно, - печально заключил он.

- Это не моя беда, - фыркнула девушка, отступая от него еще на шаг.

Дарнов схватил ее за руку. В его глазах вспыхнул опасный огонь.

- Я тебе тут не жилетку плачусь, - металлические нотки в его голосе неприятно царапнули. - Я хочу, чтобы ты поняла. Я не позволю чужому мужику воспитывать моего сына. И мой ребенок будет носить мою фамилию, - как будто, в ответ на ее недавние мысли, резко выплевывал фразы Ратэк. В его глазах скакали дьявольские отблески. - Я обещал Шторму, что не буду тебя тревожить до его рождения. Но после... После мы обсудим этот вопрос...

- А, может, лучше ты исчезнешь из моей жизни по английски? А то я тебя могу по русски послать, - ядовито процедила Ита, с силой топнув по его ботинку ногой.

Прием, как обычно, сработал, и девушка побежала по коридору с удивительной для своего положения скоростью.

- Ты че такая нахлобученная? - спросил ее Иван, выезжая со стоянки.

- Опять на Мирэка наткнулась, - нехотя пробубнила Ита.

- Чего он? - дернулся Косой.

- Да ничего нового, - вздохнула Маритта. - Сначала тоскливого дятла изображал. Потом кипятком ссать начал. Все-таки, он - ненормальный. И место ему в желтом доме.

- Угу, - непонятно, то ли согласился, то ли нет с ней Косой, - давай сначала в деревню заедем: мне там кое-что забрать надо. А потом тебя обратно к родителям отвезу. Окей?

- Окей, - равнодушно согласилась девушка, глядя на скучный зимний пейзаж за окном.

В доме родителей Ивана вкусно пахло свежей выпечкой. Ита не смогла отказаться от предложения пообедать, хоть у нее и не было аппетита. Несмотря на браваду, с которой она описала свою встречу с Дарновым, настроение у девушки упало до нулевой отметки. Она была задумчива и печальна, с трудом заставив себя проглотить пирожок, чтобы никак не обидеть добрую женщину.

Вскоре они начали собираться. Хотелось доехать еще засветло. Накинув на плечи Маритты пальто, Косой вытащил из кармана своих джинс надрывно дребезжащий телефон. Девушка обеспокоено смотрела, как меняется выражение его лица в то время, пока он выслушивал звонившего.

- Ит, - отключившись, мужчина был в явном замешательстве и прятал глаза, - ты только не психуй, да?

- Чего? - воскликнула девушка.

Она чувствовала, как в сердце заползает страх. Ее душило волнение. Иван топтался, продолжая избегать встречаться с ней взглядом.

- Ну? - в нетерпении и тревоге взвизгнула Ита.

- Это... Шторм в перестрелку попал..., - мямлил Иван. - Ранили его сильно... Сейчас в критическом состоянии в больнице, - договорить он не успел.

Маритта пошатнулась и уперлась спиной в дверной косяк, по которому стала тихо сползать. Она схватилась за низ живота. Резкая невыносимая боль не давала вздохнуть. Голова кружилась. В глазах потемнело.

- Вань, - прошептала белая, как мел девушка, - мне тоже, кажется, в больницу надо.

Глава 11.

- Неразумная женщина, - бранил ее Матвей Абрамович, облокотившись на подоконник и наблюдая, как крохотный младенец жадно сосет грудь. - Да это просто чудо, что вас обоих удалось с того света вытащить. Я был почти уверен, что обоих спасти не получится. Скажи спасибо Елизавете Петровне. У нее волшебные руки. Тройное обвитие пуповиной! Да я когда увидел ребенка, полагал: все - мертвого достали. А ты? Вместо того, чтобы радоваться, думать о его и своем здоровье, слезами тут заливаешься.

- Молоко пропадет, - встряла в нравоучения акушерка, стоявшая неподалеку. - Ему сейчас материнское молоко жизненно необходимо. Вон - в чем душа только держится.

- Антон, - всхлипнула Маритта, - что с Антоном?

Старый врач обреченно вздохнул, словно осознав, что его нотации пролетают в пустоту.

- Женщина к тебе какая-то наведывалась. Я не пустил. Посещения - только для самых близких родственников. Анна Николаевна, так ее, кажется, зовут. Она просила передать, что Иван поехал к твоему мужу. Как только все разузнает, обещал сразу позвонить.

- Уже вторая неделя пошла, - проскулела Ита.

- Жди, - сердито бросил врач уже в дверях. - И перестань волноваться. Антон - крепкий мужик. Вытянет. О себе, о ребенке думай.

- Там к вам господин Дарнов прорывается, - поставила ее в известность Елизавета Петровна, последовавшая за доктором. - Пустить?

- Нет, - рявкнула Маритта так, что младенец вздрогнул, отпустил грудь и запищал.

Она обвиняла Мирэка во всех своих бедах. Считала, что если бы не он, Штурму бы не пришлось искать другую работу, и ничего бы не случилось. А кто еще? Во всем виноват только Дарн!

- Переживал он сильно, - покачала головой женщина уже в дверях, - случаи, когда мужики так с ума сходили у дверей родблока - по пальцам пересчитать можно. Совсем не в себе был.

- Он всегда не в себе, - пробурчала девушка, впихивая обратно грудь в ротик ребенка.

Когда тот удовлетворенно зачавкал, она продолжила:

- Я не хочу его видеть. Никогда. И решения своего не изменю.

Маритте пришлось провести в больнице целый месяц. Матвей Абрамович отказался их отпускать, пока не будет иметь точной уверенности в том, что Митянька, так называла сына Ита, достаточно окреп и вполне жизнеспособен. Да и самой девушке пришлось пройти множество обследований. Скучать ей не давали.

Известий от Косого так и не поступало. Анна Николаевна, также как и Рита, не могла до него дозвониться. Родители Ивана тоже сильно волновались. "Чего у них там: бермудский треугольник, что ли?", - бухтел дядя Валя, собравшийся было уже сам вслед за ними ехать. Он бы и поехал, если бы знал куда. Маритта, сцепив зубы, старалась не думать обо всем этом, потому что из ее глаз сразу же ручьями начинали течь слезы, а младенец беспокойно себя вел, хныча вместе с матерью и отказываясь сосать молоко. Она каждый день занималась самовнушением, стараясь убедить себя саму, что судьба не может быть к ней так жестока. Никто не в состоянии вынести столько горя. Такого просто не может быть. С Антоном все будет в порядке.

Дарнов все же раз посетил их перед самой выпиской, прорвавшись в палату, игнорируя возмущенные крики и ругань медперсонала. Прежде, чем захлопнуть за собой дверь, он повернулся к рассерженным санитаркам и посмотрел на них так, при этом ни сказав ни слова, что те сразу затихли и предпочли ретироваться.

- Привет, - как ни в чем не бывало, он взял стул и поставил его рядом с кроватью, на которой лежала Маритта, прижимая к себе спящего сына. - От Тохи известий нет?

Девушка сокрушенно покачала головой, на ее глазах непроизвольно выступили слезы.

- Ты хотя бы знаешь, где он?

- Не знаю, - простонала Ита и тихо заплакала.

- Не реви, - буркнул Ратэк. - Алеман сказал, что ты и так постоянно ноешь. И это может повредить тебе и ребенку. Я уже послал своих людей разыскать Штурма.

В его глазах мелькнуло чувство вины, или ей показалось?

- Зачем? - огрызнулась девушка. - Чтобы добить?

- Ита, - тяжело вздохнув, спокойно ответил ей Дарн, - я никогда не желал смерти ни тебе, ни Тохе. Я не думал, что все так случиться. Антон - мой друг. Возможно, единственный. И самый близкий.

- С друзьями так не поступают, - разъярилась Маритта.

- А как? - мужчина тоже начал беситься. - Так, как он со мной поступил? Забрал себе не только мою женщину, но еще и моего сына.

- Я уже говорила тебе, и повторю еще раз, - внезапно успокоилась Ита, осознавая, что очередная ругань между ними опять ни к чему не приведет, - я - не твоя. У тебя есть жена. И я не виновата, что она у тебя бесплодна. Но сути дела это не меняет. Это только твои трудности. Никак не мои.

- Я собирался с ней разводиться, - принялся объяснять ей Дарнов. - Между нами был заключен брачный контракт. На нем настоял сам Алонзо. Опуская пункты финансовой договоренности, я выдвинул свои требования. Чтобы Миранда родила мне сына. Аргументируя тем, что столь огромной финансовой империи нужен наследник. Наш сын должен был получить не только мои капиталы, но также все, что принадлежит семье Франчинелли. Алонзо согласился. И полностью меня в этом поддержал. Я же был уверен: Миран не захочет рожать. Она слишком дорожит своей красотой, которой, по ее мнению, материнство может только навредить. Но, все же, под давлением моим и своего отца, она была вынуждена уступить и пойти со мной в центр планирования семьи. Там нас сначала послали на медицинское обследование. Я, как раз тогда, когда встретил тебя в больнице, откопал результаты этих обследований, которые Миран пыталась скрыть. И мои выводы подтвердил Алеман. Я ликовал. Все оказалось намного проще, чем я думал. Если бы Миранда согласилась родить, пришлось бы придумывать что-то еще. А тут все так удачно получилось.

В коридоре мне попала ты. Когда до меня стало доходить, что, судя по срокам, ребенок может быть от меня, то я просто не мог поверить в то, что все складывается настолько отлично. Я получаю развод, компенсацию за нарушение контракта, да еще и тебя: не одну, а вместе с младенцем. Я надеялся, что сын нас примирит. Фиг с ней, с этой империей Франчинелли. У меня будет достаточно денег, чтобы вас обеспечить. Но, как я уже сказал, какой в них вообще смысл, если после себя мне их некому будет оставить. Как говаривала моя бабушка: в могилу с собой не заберешь. И все бы было хорошо, если бы не твое кошмарное упрямство...

- Это не упрямство.

- Пусть не упрямство. Обида...

- Да как хочешь назови, - прошипела Маритта. - Я, Антон и Митянька - мы семья. И ты не сможешь ее разрушить. И я не говорила, что мой сын - от тебя. Ты никогда не сможешь этого доказать.

- Ты хочешь записать его на фамилию Горских? - прищурился Ратэк. - По моей просьбе Алеман сделал ДНК-тест, взяв материал из плаценты. Это мой ребенок, - он бросил грустный взгляд на головку младенца, покрытую темным пушком, - и без того очевидно.

- Тест, проведенный без моего согласия, не законен, - глаза девушки метали молнии. - И не один суд не примет его в качестве аргумента. А что касается твоих претензий: сам способ зачатия этого малыша исключает возможность твоего отцовства.

- Ита, не зли меня, - угрожающим тоном попросил Дарн. - Я не собираюсь с тобой судиться из-за сына. Мне нужны вы оба. Не вынуждай меня прибегать к крайним мерам. Тебе это самой сильно как не понравиться. Но ты не оставляешь мне выбора.

- Иди пустыню пылесось, - психанула Маритта. - Ты не сможешь меня запугать. После того, что ты со мной сделал, мне уже ничего не страшно.

- Ты уверена? - мягко спросил Дарнов и поднялся со стула.

После того, как он вышел из палаты, Ита закрыла глаза. После перенесенного стресса и напряжения она вся дрожала. Несколько раз глубоко вдохнув, попыталась успокоиться. Он ничего ей не сделает. Он боится за сына. А они сейчас неразрывны. Ну, где же Антон? Что с ним? Сердце сжалось, пронзенное болью. "Как ты мне нужен", - прошептала девушка. - "Тошенька, Тоша. Я не смогу без тебя".

Когда Маритта вышла на порог клиники, ее встречали две пары стариков: родители Ивана и ее собственные. Отец девушки опирался на палку, что совсем не мешало ему счастливо улыбаться. Медсестра, сопровождавшая Иту с кульком в руках, растерялась: кому же из пожилых мужчин отдать младенца. Никого, подходящего по возрасту на роль отца, она глазами не находила.

Под шум радостных возгласов, сюсюканий и поздравлений к зданию больницы подъехал черный ровер и затормозил у крыльца. Из него вышел Мирэк и быстрым шагом направился к встречающим. Он всунул в руки растерявшейся девушке огромный букет, забрал кружевной сверток из рук медсестры, откинул уголок и поцеловал ребенка в лобик. Потерянно улыбнулся, глядя в его сине-серые большие глазенки, опущенные длинными темными ресничками, и передал младенца на руки матери Риты. Развернулся и направился обратно к машине. Застывшая обалдевшая Ита не знала, что ей сказать, как охарактеризовать эту его очередную выходку. Ведь она ясно же дала ему понять: она не желает его видеть. "Вот настырный", - вздохнула про себя девушка.

Распахнув дверцу машины, Дарнов остановился.

- Мои люди нашли Антона, - обронил он. - С ним все хорошо. Поправляется.

И уехал, не дав задать ни одного вопроса окончательно ошалевшей Ите.

Глава 12.

Природа радовала теплыми весенними деньками. Погода стояла солнечная и безветренная, точно такая же, как и год назад, когда Маритта села не в тот автобус в спешке перепутав маршруты. Кто б ей сказал тогда, куда ее привезет этот самый ненужный ей транспорт. Сколько всего произошло за это время. Уму непостижимо. И хорошего. И плохого. Она влюбилась. Первый раз в жизни Ита поняла, что такое настоящее чувство, необъяснимое, но поглощающее, пьянящее. А еще у нее теперь есть сын, которого она любит также сильно и беззаветно, как мужчину, с которым ее свела судьба. Ради них она готова на все. Ради них она бы даже жизнью пожертвовала. О таком количестве любви в своей жизни она тогда даже не мечтала.

Маритта прогуливалась по деревенской улице с коляской. Погулять с ребенком ее выставила Анна Николаевна, вызвавшаяся помочь погладить пеленки и распашонки, пока девушка дышит свежим воздухом, необходимым ей для здоровья ничуть не меньше, чем

малышу.

Родители Иты, погостив пару недель, уехали в свой город. Жизнь текла своим чередом. Митя радовал всех прекрасным аппетитом, быстро набирал вес и все меньше капризничал, большую часть времени проводя в сладком сытом сне.

В кармане куртки вибрировал телефон, поставленный на беззвучный режим, чтобы не потревожить ребенка.

- Антон, - сердце екнуло и понеслось вскачь.

Маритта дрожащими руками поднесла трубку к уху.

- Привет, котенок, - хриплый слабый, но такой родной голос. - Как ты?

- Со мной все хорошо, Тоша, - в голосе девушки сквозили слезы, которые она утирала с лица тыльной стороной ладони. - Я чуть с ума не сошла, когда мне Ваня сказал...

Ита всхлипнула, не в силах продолжать. При одном воспоминании о том, что она пережила, когда узнала, что Антон серьезно ранен, ей снова стало нехорошо.

- Да это я чуть с ума не сошел, когда Косой мне, наконец, рассказал, чего учудил. Язык бы ему вырвать. Дурак.

- Не ругай его, Тош. Он сам перепугался. Ну и растерялся, не подумал. Ну, теперь все хорошо? Почему ты так долго не звонил? Когда ты вернешься?

- Сколько вопросов, - она услышала в трубке тихий смех, - когда врачи разрешат, так и приеду. А не звонил... Меня, как только очнулся, сразу на базу перевезли. Косой сейчас тоже здесь. Его сначала, как лазутчика схватили. Телефон отобрали, в камере заперли. Врачам в больнице рты заткнули, как будто и не было ничего. Я не имею право тебе все рассказывать. Поэтому не мог связаться с тобой. Пойми, здесь никого не волнует ни беременная жена, ни мои проблемы. Режимный объект - есть режимный объект. А работа - есть работа.

- Которая тебе, видимо, нравится, - удрученно заметила Маритта.

- Итка, да не бесись ты. Теперь все хорошо будет. Я обещаю. Больше никакого риска... Все. Береги себя и ребенка.

Ита долго слушала гудки, потом, сбросив вызов, развернула коляску. Работа... А как же она? Кого вообще волнуют ее чувства? Мужской эгоизм не истребим. Почему ее всегда ставят перед фактом? Почему ее мнение в расчет не идет? Неужели нельзя найти золотую середину? Эта бескомпромиссность просто выводила из себя. С одной стороны приятно чувствовать себя слабой женщиной, которую защищают, оберегают и берут на себя все ее проблемы. С другой стороны то, как это делается, ей абсолютно не нравится. Она запугалась, уже сама не зная, чего конкретно хочет.

В другом конце деревни по дороге пылили машины. Маритта прищурилась. Когда она разглядела в облаке пыли черный внедорожник и еще одну машину цвета металлик, то громко икнула. Дарнов! Ну, да. Конечно. Он что-то давно не давал о себе знать. Она и расслабилась. А зря...

Черный ровер остановился недалеко от нее. Второй автомобиль пристроился за ним. Из него вышла женщина среднего возраста и двое мужчин. Дверца ровера открылась, и с заднего сидения выглянул Дарн.

- Ита, садись в машину.

- Нет. Иди ты к черту.

Девушка не знала, что ей делать. Сбежать вместе с коляской она не сможет. Но и молча повиноваться его приказам она не собиралась.

- Ит, не тупи. Надежда - врач-педиатр. Она позаботится о ребенке. Садись, я сказал.

Маритте ничего не оставалось, как выполнить требуемое. Все равно, добровольно или нет, но она окажется в машине. Вряд ли, с ней будут церемониться. Просто запихнут, и все. Мирэк, похоже, был настроен очень серьезно.

Когда девушка присела рядом с Дарновым, он сунул ей в руки папку.

- Что это? - удивилась Ита.

- Это бумаги, в которых написано, что ты отказываешься от сына. Признаешь меня его отцом. И твое согласие на усыновление, - невозмутимо пояснил Ратэк, глядя в окно.

- Рехнулся? - спросила Рита, настороженно его разглядывая. - Я никогда это не подпишу.

- Подпишешь, - Дарн повернулся в ее сторону, пронзая ее свирепым взглядом. - Лучше, если ты сделаешь это сейчас. Добровольно. Пойми, я все равно тебя заставлю. Но, как я уже говорил, сам процесс тебе не понравится. Так зачем же обострять ситуацию?

- Тоха вернется и разберет тебя на запчасти, - пригрозила Маритта, не найдя больше ни одного аргумента в свою пользу.

- Сладкая, - насмешливо протянул Ратэк. - Меня, конечно, трогает твоя наивность. Но тебе это не поможет. Я не собираюсь воевать с твоим мужем из-за тебя. Мне нужен мой сын. А Тохе на него наплевать. Из-за ребенка он со мной бодаться не станет.

Маритта смешалась, интуитивно почувствовав его правоту, проанализировав поведение Антона и его фразы, которые касались ее сына, еще не рожденного. Но сдаваться она не собиралась.

- Это ты не всасываешь. Нас не разделить. Я хочу быть с Антоном. А ребенок останется со мной. Я не отдам тебе Митю.

- Поехали, - обреченно вздохнул Дарнов, прекращая этот бесполезный спор.

Когда они оказались за пределами окрестностей деревни, проехали по шоссе, а затем свернули на еще одну проселочную дорогу, Иту начало знобить. Он, что: убить ее хочет? Нет, это было непостижимо. Убить мать своего ребенка? Да как он потом смотреть ему в глаза сможет? Но от Дарнова всего можно было ожидать. Это она не знает границ? Он однажды так ей сказал. Нет, их не знает он. Уже полностью убедив себя в неадекватности противника, Маритта приготовилась к худшему.

Ровер остановился у окраины свалки. Сюда из близлежащих городов, поселков и деревень день ото дня возили всякий хлам и мусор. Струйка холодного пота побежала по спине девушки. Ее самые жуткие предположения обретали реальную форму.

- Ну? - распахнув дверцу с ее стороны, Ратэк почти галантно подал Ите руку. - Чего застыла? Я думал, ты - бесстрашная...

Негодование и гордость взяли верх. Маритта, пренебрегая помощью, самостоятельно выбралась из автомобиля и злобно уставилась на Мирэка, брезгливо морща свой носик.

- Помнишь, ты как-то сказала, что тебе проще с бомжом переспать, чем со мной? - с ожесточением и глухой яростью во взоре напомнил ей мужчина. - Вот сейчас мы это и проверим.

Он подтолкнул ее в сторону кучи мусора, около которой притаились трое несуразных личностей, озадаченные грозным видом непрошенных гостей.

- Ребят, девочку хотите? - окликнул он их. - Не бойтесь. Это типо акции - накормите страждущих. А малышке, похоже, острых ощущений не хватает. Сделаете ей и себе приятное.

И еще бонус, - он достал из кармана бумажник и вынул оттуда пачку зеленых банкнот.

- Совсем спятил, кретин? - аккуратно поинтересовалась Маритта. - Я всегда знала, что ты - придурок. Но, чтоб совсем человеческое лицо потерять...

- Ну, чего застыли, ребята? - проигнорировав ее выпады, подзадоривал Дарн ошалевших от счастья, которое им так неожиданно привалило, бездомных. - Девчонке не терпится. Давайте, пользуйтесь, пока не передумал...

Ратэк, водитель автомобиля и еще один огромный тип с физиономией неандертальца, сидевший до этого на переднем сидении и выполнявший, по всей видимости, роль охраны Дарнова, отошли в сторону, со скабресными ухмылками наблюдая за действиями бомжей.

Те, выйдя из ступора, стали подкрадываться к девушке. Оцепеневшая Маритта никак не могла поверить в то, что это с ней происходит. Тем более, с подачи Ратэка. Гнев боролся в ней со страхом. Ей хотелось броситься на своего мучителя и расцарапать его физиономию в кровь, в идеале лишить зрения и отгрызть уши. Но, кинув полный недоверчивого изумления и злости взгляд на Мирэка, она поняла: он не шутит.

Дарн был мрачен, но спокоен. Его глаза, цвета грозových облаков, обжигали ледяной стужей. Ни жалости, ни сострадания. Твердость и ожидание. Никакого безумия. Никакой злости. Один трезвый расчет. И жестокое удовлетворение при виде ее побледневшего лица. Взгляд палача. Ита поняла, что жалости от него не дождется.

Нет, она не будет умолять его прекратить этот нелепый и циничный спектакль, решила Маритта, непоколебимая в своей гордыне и злобе. Пусть не рассчитывает.

Несмотря на напускную храбрость, девушка умирала от страха, но изо всех сил старалась не показать этого. Сердце колотилось, как бешеное, казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Она в ужасе ощущала невыносимую вонь, исходившую от этих отбросов общества, которые подобралась к ней уже совсем близко. Ей стало трудно дышать.

Шесть пар диких неопределенного цвета глаз жадно ощупывали ее тело, обтянутое легкой узкой курточкой и тесными джинсами. Всклоченные грязные патлы на головах и спутанные в колтуны бороды наводили на мысль о толпах насекомых, копошащихся в них. Беззубые оскалы похабно кривившихся ртов вызывали безудержную дрожь. Если хоть один из них дотронется до нее, она просто умрет от ужаса и отвращения.

Девушка попятилась назад, не замечая за спиной высоченной кучи мусора выше ее роста. Бомжи не торопились, смакуя момент. Им, вечно униженным, пинаемым и презренным было радостно видеть беспредельный ужас в глазах своей жертвы. Они хотели насладиться не только телом этой, так нечаянно свалившейся им в лапы красивой свежей молодой девицы. Они хотели почувствовать ее страх, ее беспомощность. Беззащитной, всей в их власти. Все равно никуда не денется. И девушка это поняла, запнувшись о ржавую железяку, торчавшую из земли, и плюхнувшись в жидкую грязь под ногами. Она оглянулась: бежать было некуда. Повсюду горы мусора, по которым невозможно вскарабкаться, не рискуя провалиться под них. Слезы ярости и отчаяния брызнули у нее из глаз.

Скрипучий смех резанул слух. Одно из этих омерзительных чудовищ наклонилось к ней обдавая тошнотворным смрадом, ухватив за край куртки, и потянуло ее на себя.

- Нет, - завопила обезумевшая от ужаса девушка, - Пат! Пат!

Шаря блуждающим взглядом по сторонам, она не знала, откуда еще ждать помощи. Грязные руки со скрученными пальцами тянулись к ней, искаженные похотью лица, в которых не осталось ничего человеческого, склонились над Итой, загораживая лазурное безоблачное небо с весело сияющим на нем солнцем, которому было все равно, что

происходит под ним. Все ее существование рушилось. Она отказывалась осознавать, что все это происходит с ней.

- Рат! - душераздирающий вопль девушки пронесся над помойкой, вспугнув трапезничавших на ней птиц.

Раздался выстрел. Бомжи отшатнулись от Маритты. Злобно и умоляющее поглядывая на Дарнова, приближавшегося к ним. В руках мужчина держал пистолет.

- Пошли отсюда, - рявкнул он бездомным.

- Вставай, - это уже относилось к девушке, онемевшей от перенесенного удара, борющейся с паническим ужасом, никак не хотевшим отпустить ее.

Не дождавшись никакой реакции, Дарн наклонился и, прихватив ее за шиворот, поставил на ноги.

- На, - он протянул ей в руки платок.

Удерживая за локоть, Мирэк подтащил запинаящуюся, едва переставляющую ослабевшие ноги Иту к машине.

- Подписывай, - он всунул в ледяные пальцы девушки ручку и кивнул на листки, разложенные на капоте, словно, не замечая ее нервной дрожи и полного боли взгляда.

Не в себе от оупляющего страха Ита подчинилась, не совсем еще осознавая, что она делает.

- Раздевайся, - раздалась следующая команда.

Не дождавшись ее выполнения, Мирэк стащил в нее курточку, набрасывая на плечи свою.

- Джинсы снимай, всю машину провоняешь.

Утонув мужской не по размеру куртке, Маритта тихо плакала, сжавшись на сидении автомобиля. От осознания непоправимости свершившегося вкупе с пережитым шоком и стрессом, ей чудилось, что она медленно сходит с ума. Он все-таки забрал у нее сына. Нет, разлуки со своим малышом она пережить не сможет.

Глава 13.

Дом Дарнова. Маритта снова возвращалась туда, откуда все и начиналось.

- Ненавижу, - процедила она, - если бы знал, как сильно я тебя ненавижу.

- Я знаю, - ровным тоном отозвался Мирэк. - И этого уже не исправить. Ведь так?

Он помог ей выбраться из автомобиля и повел в дом.

- Твоя комната осталась за тобой. Твои вещи никто не трогал. Детскую сделали рядом. Надежда будет помогать тебе. Может даже оставаться ночевать, чтобы дать тебе возможность выспаться и отдохнуть.

- А как же Миран? Она тебя не ревнует?

- С Миран я развелся, - отрезал Дарн.

- Но все равно ты не можешь запереть меня в своем доме, - возмутилась Ита. - У меня то есть муж. И он скоро вернется.

- А тебя никто и не запирает, - грустно ухмыльнулся Дарнов. - Можешь уходить. Никто удерживать тебя не станет. Но ты же не сможешь оставить ребенка?

С бессильной тоской он вглядывался в ее страдальческое лицо. Ита провела дрожащей

рукой по лбу.

- Сволочь, какая же ты сволочь! - в сердцах воскликнула девушка.

- Я знаю. И этого тоже не изменить, - нисколько не рассердился Ратэк.

Он ушел. А девушка осталась одна в комнате обдумывать новый поворот своей беспорядочной жизни. Нервный кризис миновал, и, опустившись на кровать, Маритта спрятала лицо в руках и залилась слезами.

Ита с трудом пробудилась от тяжелого, прерывавшегося кошмарами сна. Ее знобило, и она все еще дрожала от пережитого ею в грезах. Ей все еще мерещилось, что она осталась одна. Совсем одна: ни сына, ни мужа, ни родителей. Все покинули ее. Все отвернулись от нее: никчемной, слабохарактерной и упрямой. Но что она сделала не так?

Дни шли за днями. Бесконечные в своем однообразии. Ратэк ей больше на глаза не попадался. То ли намеренно, то ли случайно избегал этих встреч. Когда же вернется Антон? Вдруг Маритта осознала, что он никак не может ей сообщить о своем прибытии. Ее телефон остался в кармане куртки, той, которую Дарнов брезгливо бросил на помойке.

Она резко вскочила с кровати и бросилась одеваться.

Антон спал. Бледный и исхудавший. Но самый прекрасный, самый желанный и любимый мужчина на свете. Неразобранная дорожная сумка, о которую Маритта споткнулась при входе, говорила о том, что приехал он недавно. Будто почувствовав ее присутствие, Шторм проснулся.

- Я думал: ты у родителей, - тепло улыбнулся он ей. - Почему трубку не берешь?

Присев на постель, давясь слезами и всхлипами, Ита сбивчиво поведала мужчине о последних событиях. Бессвязные слова неконтролируемым потоком срывались с ее губ. Но общий смысл все же уловить было можно. По мере ее повествования Тоха все больше хмурился.

- Я все-таки его убью, - в его дрожащем от гнева голосе сквозили нотки тревоги.

Глядя на измученное лицо девушки, которое напоминало трагическую маску, он хоть сейчас был готов привести приговор в исполнение. Боль и беспокойство за любимую женщину вливались ядом в его вены. Ревность и печаль пронзили его сердце.

- Не надо Тош, - плача и заламывая руки, тем не менее попросила Ита. - Он же твой друг. А я... Это я во всем виновата. Но, может, можно что-нибудь придумать?

Антон покачал головой и, прикрыв глаза, облокотился на подушки.

Когда рыдания стихли, он произнес:

- Итка, возможно, так и лучше? Дарнов будет любить малыша. Он за своего сына душу заложит. Ребенок не будет не в чем нуждаться. С отцом ему будет хорошо.

- А я? - удивилась Ита, тут же перестав всхлипать. - Как же я? В матери он, по-твоему, не нуждается?

- И что ты предлагаешь? Будешь между двумя домами разрываться? Нет, Ита. Ты как хочешь, а я уезжаю. Я вообще приехал только самые нужные вещи забрать. И за тобой...

Мужчина поднялся с кровати и стал одеваться.

- Ты меня бросаешь? - не верила сама своим словам Ита.

- Я тебя не бросаю, - жестко ответил Шторм. - Это ты, похоже, сделала свой выбор.

- Антон, - горестно воскликнула девушка, глядя на него влюбленными глазами. - Ты не можешь со мной так поступить...

- А как? - разъярился Тоха. Вопрос прозвучал так резко и сурово, что Маритта снова ощутила боль в сердце. Взгляд его был беспощаден.- Чего ты от меня хочешь? Чтоб я оставил все, чего с таким трудом добился? Остался тут наблюдать за вашей счастливой семейкой? Нет, Итка. Решай. Пойми: нельзя получить все сразу. Ты должна выбрать что-то одно. Или одного, - добавил он с грустной усмешкой.

Мужчина был непреклонен. Девушка застыла, окаменела. Она понимала, что он то уже принял решение. И изменить его ей не удастся. Холод вползал в ее душу, леденя кровь, выхолаживая сердце. Вот и все...

Тоха накинул ремень сумки на плечо. В дверях он остановился и ободряюще улыбнулся Ите. Но улыбка вышла жалкой.

- Вот адрес, - он взял с комода листок что-то быстро написал на нем. - Ты всегда можешь передумать.

И ушел. Маритту разобрал нервный смех. Как это просто и похоже на них, мужиков. Взвалить непосильный груз судьбоносного решения на женские хрупкие плечи. Все ее надежды на прекрасное будущее оказались несбыточной мечтой.

Ита вернулась в дом Дарнова. Проходя мимо его комнаты, она заметила, что дверь приоткрыта. Слепая отупляющая ярость всколыхнулась в ней, затянув пеленой взор. Она ворвалась в помещение, еще не зная, что будет делать. Но эмоции, клокотавшие в ней, требовали выхода.

Ратэк неторопливо закончил одеваться и, повернувшись, невозмутимо уставился на девушку, притягиваемый бездонной глубиной устремленных на него медовых метавших молнии глаз.

- Отдай мне ребенка, - голос Иты контрастно обдавал арктической стужей, по сравнению с огнем, горевшем в ее взоре.

- Белены объелась? - насмешливо спросил Мирэк. - Угомонись.

Тут взгляд Маритты, оглядывающейся в поисках чего-нибудь тяжелого, что бы пригодилось для встречи с черепом мужчины, упал на ПМ, призывно лежащем на столике. Она метнулась к нему так быстро, что Дарн, поздно заметивший, на чем остановился ее взор, не успел среагировать.

Он сделал шаг к Ите, но тут же остановился. В лоб ему смотрело дуло пистолета.

- И что? Убьешь меня?

Губы Маритты дрожали, а рот кривила горестная гримаска.

- Ты отнял у меня все, - обвиняющее прокричала она - Все. Всю жизнь мою исковеркал.

- Ну что ж. Твоя правда. - Не проявляя никаких чувств, заметил Дарнов. - Стреляй. Имеешь право.

Сердце девушки колотилось невероятно. Взволнованное дыхание разрывало грудь. Палец так сильно трепетал на собачке, что, казалось, выстрел был неминуем. Но в ее глазах Дарн прочитал панику, испуг и замешательство. Страх перед собственным приговором, который она считала единственно верным, но привести в исполнение не могла.

Он спокойно высвободил пистолет из ее трясущихся пальцев. Маритта закрыла глаза, из-под ее длинных ресниц заструились слезы.

- Не можешь, - Дарнов вздохнул.

Но секунду спустя услышал щелчок предохранителя. В затылок ему уперлось то, что однозначно охарактеризовал этот звук.

- А я смогу, - голос Шторма был тверд и безжалостен.

Глава 14.

-Тоша.. вернулся... - прошептала Маритта, на губах которой приклеилась глупая улыбка, так не подходящая моменту, но она не в силах была от нее избавиться.

Ей все еще не верилось, что он стоял тут, недалеко от нее, удерживая на мушке Дарнова. Такой сильный, мужественный и сосредоточенный. Ее муж. Он вернулся, чтобы защитить ее.

- Чего лыбишься? - прогремел Антон. - Иди, ребенка собери. Быстрее.

- Рат, не дергайся ты, - Тоха сильнее упер дуло ему в затылок и, чуть наклонившись, забрал его пистолет. - Ты уже зашел слишком далеко. И сам отлично понимаешь. Ита мне рассказала, каким способом ты добился того, чтобы она отказалась от сына. И я грохну тебя. Клянусь.

- Она сама не оставила мне других вариантов. Уговоры ее не берут, - Мирэк проводил обозленным взглядом Иту, скрывшуюся за дверью. - Но не думай, что я бы позволил кому-то причинить ей вред. Если бы не ее ненормальное упорство... Другая бы сломалась только при одной мысли о том, что ее ждет. Эту же нужно очень крепко прижать для того, чтобы она уступила.

- Она - женщина. Делай скидку хотя бы на это. К тому же, мать - твоего ребенка, - возразил ему Антон. - Хочешь повоевать? Выбери себе противника по силам. Попробуй прижать меня...

- Прижму. Не переживай, - заверил его Дарнов. - Вам все равно далеко не уйти.

Когда Маритта заглянула в комнату с Митей в руках и сумкой с его вещами на плече, мужчины о чем-то тихо беседовали. Дарн уже вальяжно развалился в кресле. Тоха стоял у двери, с оружием в руках.

- Готова? - он скосил взгляд на Иту. - Пошли.

- Не делай глупостей, Антон, - тоном, каким увещевают расшалившегося малыша, обратился к нему Ратэк.

А Ита, не удержавшись, совершенно по-детски, показала ему кукиш.

Они беспрепятственно выехали за ворота. Охрана не горела желанием применять силу против своего бывшего товарища и босса. Да и Дарнов их предупредил, что в машине - ребенок, и перестрелку устраивать нельзя.

- Дарн будет нас преследовать? - тихо спросила Маритта.

- Он сказал, что не отступить, - буркнул Антон.

- Митя, он такой крохотный, - всхлипнула Ита. - Он может пострадать.

- Итка, ты что от меня хочешь? - взревел Шторм. - Определись уже.

- Я не знаю, - девушка совсем расклеилась, шмыгая носом и стараясь сморгнуть нависшие на ресницах слезы. - Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой. Но Митяньку я тоже

люблю. Вы мне оба нужны.

- Тогда терпи, - посоветовал ей мужчина. - Нам только дня три продержаться надо. А там нас Косой встретит с ребятами. Дарн не станет устраивать заварушку. За сына побоится. Продержитесь?

- Да, - робко улыбнулась девушка.

Ехали они долго, останавливаясь лишь в придорожных кафе и у магазинов в ближайших к дороге населенных пунктах, чтобы купить продукты. В машине было тепло. На заднем сидении автомобиля Рита устроила пеленальный столик. Она радовалась тому, что несмотря на все невзгоды, молока у нее было достаточно. Сухой и сытый ребенок вел себя примерно.

Наступила ночь. Передавая Антону бутылку с водой, девушка заметила, как провалились его глаза, окруженные темными тенями. На лбу мужчины выступили капельки пота. Только сейчас она осознала, насколько ему тяжело. Еще окончательно не оправившись после ранений, мужчина уже почти сутки вел машину, делая только редкие остановки по крайней необходимости.

- Тош, давай я поведу, - несмело предложила Маритта.

- Ага, - отозвался он. - А я Мите титьку дам. Думаешь, позарится?

- Давай, хотя бы, где-нибудь остановимся, - не унималась Ита. - Тебе отдохнуть надо.

Она тревожилась, что не только за здоровье любимого, но и за их жизни. Мужчина в таком состоянии мог просто не справиться с управлением. Девушка вздрагивала каждый раз, когда встречный транспорт слепил их галогеновыми фарами. Как на зло, пошел сильный дождь. Дворники не справлялись. Скользкая дорога катилась под капот автомобиля, который не принимая в расчет погодные условия, мчался с огромной скоростью, пожирая километры.

- Дарн у нас на хвосте, - устало проинформировал ее Антон. - Я в порядке. Как только невмоготу станет - остановлюсь.

Остановиться им все же пришлось. Лопнуло колесо. Пока Тоха, мокший под ливнем, менял его, Маритта вся извелась. Ребенок, словно специально выбиравший момент, принялся жалобно мяукать.

- Тебе бы переодеться надо, - заботливо разволновалась девушка.

- Некогда, - Шторм потер глаза. - Еще три сотни поедем: там будет деревенька одна. В ней и остановимся передохнуть.

Ита икнула. Она даже не представляла себе, как он в таком состоянии еще три сотни проедет. Но возражать не посмела. На нее нашло какое-то оупение. И она меланхолично провожала взглядом дорожные знаки, мелькавшие вдоль дороги.

Светало. Ребенок плакать не переставал, отказываясь брать грудь.

- Тош, - застонала девушка. - Он весь горит. Наверно, заболел. Что делать?

- Я знаю? - Шторм глухо и обреченно зарычал. - Ты - мать. Вот и решай.

- Я Ик... тоже.... Ик... не знаю, - от волнения Маритта стала громко икать. - Врача надо найти...

Антон, следуя указателям, резко свернул на проселочную дорогу. Местность изобиловала холмами и оврагами. Машина тряслась по ухабам и выбоинам.

- Да это не дорога, тропа какая-то, - запричитала Ита, когда они проезжали по узкой колее, проходившей почти рядом с обрывом, внизу которого журчала река.

Через некоторое время путники остановились возле небольшого села.

- Сиди в машине, - скомандовал мужчина. - Я пошел врача искать. И дом, где остановиться можно.

Он вышел из автомобиля, оставив Иту одну с плачущим младенцем на руках.

Сколько времени прошло, девушка не знала. Оно показалось ей вечностью. Шлепая кроссовками по грязи, к автомобилю вернулся Тоха. Он молча сел за руль и завел машину.

Они остановились у старой избышки. Мужчина забрал у Маритты ребенка и понес его в дом. Ита, схватив сумку, едва поспевала за ним следом.

В избе их ждала молодая девушка в белом халате, которая была едва ли старше Маритты. Полноватая, вся в веснушках, она явно была вчерашней студенткой медучилища, вернувшейся в свою глубинку для прохождения практики.

- Это врач? - Ита недоверчиво воззрилась на Шторма.

- Где я тебе тут другого найду? - мужчина пошатнулся и тяжело рухнул на стул.

В доме хлопотала древняя старушка, похожая на бабу-ягу. Пока девушка осматривала Митеньку, глаза Иты все больше округлялись. Казалось, та видит живого младенца в первый раз. Совершенно отчаявшись, Рита решила все же задать вопрос:

- Что у него?

- Температура высокая, - промямлила врач.

- Это я и сама вижу, - осерчала Маритта, державшая в руках градусник.

- Могу укол сделать, - предложила ей девушка.

- А ты уверена, что он ему поможет? - упавшим голосом спросила Ита, не знаящая, что предпринять и сходящая с ума от горя.

Весь красный ребенок задыхался от плача, острым лезвием проходящим по нервам. Маритта не доверяла этому новорожденному Гиппократу женского пола. Но на что же решиться? Рита активно собиралась с мыслями.

- Что за укол? - уточнила все же она.

- Жаропонижающий, - объяснила врач. - Да вы не бойтесь, шас все выверим. Вес, дозу.

Вес ребенка беспокойная мамаша помнила до миллиграмма. С дозой определились. Уверившись, что другого выхода нет, Маритта дала разрешение на укол.

Спустя час Митя приобрел нормальную температуру тела и, насосавшись вожделенной груди матери, заснул. Измученный до бесчувствия Тоха уже давно спал на стуле, на который упал, уронив голову на колени. Маритта растолкала его и, еще сонного, уложила на кровать. Прилегла рядом. Положив сына между собой и Антоном. Так она была уверена, что он не упадет.

Проснувшись в середине дня, Маритта смотрела в незагороженное с вечера окно. Взошло робкое солнце, окрасив розовым цветом крыши домов. День обещал быть хорошим. Митя опять был в лихорадке. Ита глухо застонала.

Шторма нигде не было видно. Когда он проснулся и ушел, сильно вымотанная и забывшаяся крепким сном, девушка не заметила. Глуховатая старушка, хозяйка дома, никак не могла понять, что она от нее хочет. Маритта заревела в голос от собственного бессилия и безысходности. Она думала, что если Митя вдруг умрет, она ляжет и умрет вместе с ним.

Куда же пропал Антон? Теперь, когда его совет ей так нужен. Она не могла оставить больного ребенка на незнакомую туповатую и глухую старуху, отправившись его разыскивать, а также искать врачу, которая, несмотря на свою очевидную неопытность, сделала чудодейственный укол накануне.

В тот момент, когда Ита уже была готова биться головой об стенку, дверь избы

открылась, и на пороге возник Дарнов.

- Что? - отметив заплаканное, с обезумевшее выражением, лицо девушки, сразу просек ситуацию он.

Ита, глотая слезы, ему объяснила. Вот уж никогда бы она не подумала, что хотя бы раз в жизни так рада будет его видеть. И именно в подобных обстоятельствах радоваться тому, что он так быстро настиг их.

Мирэк схватил телефон и отошел в угол.

- В машину, - спустя пару минут, распорядился он. - Нужно доехать до шоссе. Там будет ждать вертушка.

Глава 15.

Автомобиль Горского затормозил у ветхой избушки. Он вышел, обошел его и, открыв дверку, подал руку девушке-врачу, которую привозил накануне.

- Если удастся опять сбить температуру, - спросил он ее по пути к дому, - то мы сможем без опасений ухудшить состояние ребенка доехать до ближайшей больницы?

- Ну, ночь же он проспал спокойно, - замялась девушка.

- А ненту вашей дамы, - прошамкала бабулька, вышедшая на крыльцо, - ее с дитем мужчина увез. Сюрпризный такой. Злющий.

Антон выругался и кинулся к машине.

- Пилот говорит, что на шоссе движение плотное, - отрапортовал здоровенный амбал с переднего сидения ровера, тот самый, который сопровождал Дарнова во время жутких событий на городской свалке. - Нужно вон до того, - он указал в даль, - высокого холма ехать. Там места достаточно для посадки. И нет риска завязнуть где-нибудь в этих топях.

- Сворачивай, - скомандовал водителю Мирэк, обеспокоено косясь на не перестающего мязгать младенца, которого держал на руках, и сверля безжалостным взглядом рыдающую навзрыд Маритту.

- Допрыгалась? Сына погубить хочешь? - безликий, отрывистый и холодный голос резанул слух.

Девушка молчала. Да и что она могла ему сказать. Как будто бы злой рок преследовал ее. Весь мир ополчился против ее любви. Против того прекрасного всепоглощающего, растекающегося счастьем и огнем по венам чувства, которое пробудилось в ее душе. Которое, возможно, еще очень давно зародилось и тлело, ожидая своего часа. Она не ждала такого подарка судьбы. И вот теперь, побаловав ее немножко, у нее отбирали его. Удача отвернулась от них.

Сердечко Иты сжалось от ледящего кровь предчувствия беды. Она еще не знала, откуда ее ждать. Но что-то ей подсказывало, что болезнь Митеньки - это только маленький шагочек к кошмарной череде событий, надвигающихся на нее раскаленной лавой. Она съежилась на сиденье, как раненое животное, напрасно ждущее поддержки, любви, тепла и сочувствия. Глаза ее смотрели, не видя.

Люди выбрались из внедорожника, бодро взобравшегося на вершину холма. И встречали глазами маленькую точку, появившуюся на горизонте. Хорошая погода, установившаяся после проливного дождя, хлеставшего по окнам избы всю ночь и утро, не радовала девушку, застывшую каменной статуей у автомобиля. Казалось, ее не может порадовать уже ничего, даже слова Мирэка, склонившегося над внезапно притихшем Митей, согретого теплом отца и ласковыми лучиками солнца, нежно прикасающимся к его розовым щекам.

- Заснул. Похоже, температура сама спадает. Возможно, все обойдется.

Маритта словно его не слышала. Оглушительная тоска вдруг заморозила все ее существо. Даже слезы застыли, словно замерзнув огромными каплями на щеках.

- Эй, кажется, там Шторм пылит, - обратил внимание Дарнова огромный бодигард на машину, летящую по краю оврага, рассекавшую дорожную грязь и поднимающую кучу брызг из обширных глубоких луж, там и сям размывающих узкую сельскую дорогу.

- Как он меня достал, - прорычал Ратэк. - Нужно его унять как-то. Не до разборок сейчас.

- Да в легкую, - отозвался амбал, вынимая из-за пазухи короткоствольный автомат.

Дарн еще не успел его остановить окриком, а оцепеневшая, купающаяся в своей депрессии девушка лишь только приоткрыла рот, как короткая очередь, вырвавшаяся из дула автомата насквозь прошла все четыре колеса автомобиля Горского.

Она завертелась юзом на слизком глинистом грунте. Инерция бешеной скорости задавала импульс последующему движению. Ее потащило в сторону, и, с силой ударившись о большущий камень на обочине, машина перевернулась на бок. Немного побалансировав на смятой крыше, она перевернулась еще раз и заскользила к краю оврага.

Все происходило в доли секунды, но виделось будто в замедленной съемке.

- Нет!!! - безумный душераздирающий вопль сорвался с губ девушки, и она, не чуя под собой ни ног, ни земли, бросилась к автомобилю Горского, медленно сползающему в овраг, словно могла бы остановить это падение.

Поскользнувшись на скользкой траве, Ита покатила кубарем с пригорка, рискуя сломать себе шею. За ней следом мчался Мирэк, передавший младенца в руки своего водителя. Затормозив падение на коленях, раздирая их в кровь, Маритта несколько метров ползла, силясь подняться, но вновь спотыкалась и падала на землю.

Когда она добралась до края обрыва, машина Антона уже лежала на самом его дне неподалеку от зарослей мелких кустиков, покрытых ярко зеленой молодой листвой. Девушка замерла, парализованная ужасом, в ее расширившихся от шока глазах отражались языки пламени, лижущего автомобиль.

Ратэк, подлетевший к оврагу, разом оценил ситуацию. Он устремился было вниз, но огромная лапища амбала-телохранителя удержала его от прыжка.

- Сейчас рванет, - пояснил тот.

В подтверждение его слов раздался оглушительной силы взрыв, а несколько мгновений спустя за ним последовал еще один.

- Похоже, боеприпасы жажнули, - заметил равнодушно здоровяк.

Что происходило дальше, девушка плохо осознавала. Бьющаяся в истерике, катающаяся

по мокрой траве, прижатая чьей-то твердой рукой, Маритта боролась с удушьем. Ей чудилось, что только стоит ей вдохнуть воздуха, как она сама взорвется и разлетится на куски. Она корчилась на мокрой земле, истошно по-звериному воя, пытаюсь освободиться от удерживающих ее рук.

На вершину холма садился вертолет. Крики, шум вращающегося винта, плачь разбуженного Мити слились в одну сплошную какофонию. Мирэк поднял на руки девушку, которая, наконец, перестала отбиваться и замерла в полубессознательном состоянии, и понес наверх.

Забравшись в вертолет, он усалил Иту на колени, прижал ее голову к своему плечу и укачивал, поглаживая по волосам, как ребенка.

Маритта смотрела остекленевшими глазами в иллюминатор. Она больше не плакала. Слишком оглушенная горем, чтобы по-настоящему ощутить боль. Шок окутал ее покровом милосердия, которое вскоре уступит место подлинному страданию, острому и жестокому.

Она совершенно не думала о том, что будет делать, что потом произойдет... Нет, все стало ей абсолютно безразличным, все, кроме болезненного ожога, скрытого в глубине ее естества.

Глава 16.

- Доча, ну съешь что-нибудь, - уговаривала Иту ее мать, которую привез Дарнов в надежде, что она поможет воскресит девушку, которая была, похоже, готова умереть вслед за Антоном.

Прошло уже две недели с момента тех трагических событий. Мирэк не выходил из дома, разрываясь между постелью сына и Маритты. Ребенок быстро шел на поправку, а вот девушка с каждым днем выглядела все хуже. Температура спала, вызванная то ли нервным потрясением, то ли той же вирусной инфекцией, которую Митя, как полагал Дарн, подцепил в больнице, куда его не так давно носили на прививку. Но Ита упорно отказывалась есть и принимать лекарства, делая лишь несколько глотков сока или чая, которые чуть ли не силой удавалось влить в ее пересохшие губы.

Дарнов тоже скорбел по другу, испытывая вместе с горьким чувством потери болезненное ощущение вины. Нет, такого исхода он не хотел. Но терзаемый обидой, разъедающей, как зараза, ревностью, гневом и страстью, мучительной и безответной к этой взбалмошной упрямой девчонке, он позволил поглотить себя азарту, как мальчишка, доказывая себе и другим, что проигрывать - это не для него. Не догадываясь, какова может стать цена победы.

Глаза Иты заволочла пелена. Казалось, она ослепла от слез. На осунувшемся бледном лице глаза казались чрезмерно большими, а включенные волосы придавали ей диковатый вид. Боль была невыносимой. Она жгла, как раскаленное железо...

На этот раз все было кончено. Она потеряла все: со смертью Антона рассеялись последние надежды обрести счастье. На этот раз он исчез насовсем, скрылся от нее под надгробной плитой. Жизнь нанесла ей последний удар. Для нее время любви кончилось навсегда.

Взрыв, и машина Антона в клубах сизого дыма и пламени. Она снова и снова видела, как к ее ногам падают осколки ценой таких мучений созданного удивительного, но хрупкого мира их любви, теперь разлетевшегося вдребезги. Ее рот приоткрылся в поисках воздуха, но вдохнуть полной грудью она не смогла, задыхаясь, урывками хватая кислород. Ощущение кошмара становилось все более давящим.

- Верните мне его, верните мне его, - беззвучный шепот срывался с ее губ.

Она была согласна сколько угодно страдать и мучиться, но только Антон был бы жив...

Глядя на Маритту, инертную и безразличную ко всему, утонувшую в своем горе с головой, Мирэк почувствовал, как его охватывает бессильное бешенство. Он подошел к девушке и, схватив ее за плечи, встряхнул, гаркнув на нее с такой силой, что мать Иты, стоявшая рядом с постелью дернулась и отпрыгнула в сторону.

- Хватит уже. Жизнь же не кончилась. Ты-то еще жива, и твоя мать, и отец и сын. На родителей наплевать, так хоть о ребенке подумай. Каково ему будет расти без матери.

Тут, разбуженный его криком, за стеной заплакал Митя. Антонина Сергеевна, быстро сообразив что к чему, сбегала за ребенком положила его рядом с Итой.

В полубезумном взгляде Маритты появились искры сознания. Медленно и неуверенно она подняла на руки сына и поднесла его к груди. Все облегченно вздохнули. Надежда предполагала, что молоко у Иты после болезни перегорело, но младенец весело зачмокал, жмурясь от удовольствия, все же найдя, чем полакомиться. Словно, всем своим видом показывая, как ему надоели суррогаты, которыми все последнее время его пичкало множество кружившихся возле него нянек.

Маритта еще долго убаюкивала Митю этим вечером. Держа ребенка на руках, она согревала свое страдающее сердце любовью к сыну... Да, пока у нее еще есть, ради кого жить. Передав заснувшего ребенка своей матери, она кликнула Марию и попросила поесть. Лишать младенца груди Ита не хотела.

Маритта стояла на террасе и смотрела на хмурое небо. Тучи заволокли горизонт, в воздухе запахло дождем. Медленно, но все же девушка начала поправляться. Вот только лечить душу она не хотела.

На сердце лежала такая тоска и скорбь, давящая непосильным грузом, что не было сил вздохнуть. Она отсутствующим взглядом провожала проплывавшие мимо темные облака. День был таким холодным и таким серым. Казалось, что из мира исчезла всякая радость.

- Маша, обед будем накрывать в гостиной, - крикнула она на через плечо светловолосой женщине в веснушках, расправляющей цветы в вазе на окне.

Ита прислонилась к деревянному столбику: возвращаться в дом не хотелось. Погода как нельзя лучше соответствовала ее настроению.

Сильные мужские руки легли ей на плечи, а горячие губы коснулись виска. Девушка вздрогнула.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил Дарнов, обхватывая Иту сзади за ставшую такой тонкой талию.

Он прижал ее к своей мощной теплой груди. Маритта не ответила и попыталась высвободиться. Мирэк развернул девушку к себе лицом и наклонился к ней так близко, что его чувственные губы почти касались ее губ, влажных и дрожащих. Она снова нервно облизнула их языком, и судорожно сглотнула, отчего по телу Мирэка пробежала волна страстной дрожи, а в глазах поселилась тоска. Его длинные сильные пальцы захватили в плен голову девушки, не давая ей увернуться.

- Если ты поцелуешь меня, я закричу, - прошептала Ита.

- Что, так противно? - обреченно вздохнул Дарн.

- Я Антона люблю, - совершенно нелогично ответила ему девушка.

- Антона больше нет, - печально напомнил ей он.

- Я люблю Антона, - тихо повторила она, а ее глаза наполнились влагой.

Некоторое время Мирэк пытался разглядеть во взгляде Маритты нотки безумия, но видел там лишь боль, мучительную и истязующую, пронзительную и разрывающую. Которая, словно, поедала ее изнутри, иссушивала, делая руки, тонкими, как плети.

- Ита, он умер.

- Нет, - она спрятала лицо у него на груди и горько заплакала, - нет, мне кажется, что вот-вот откроются ворота, и он приедет, он вернется за мной.

- Ты так говоришь, потому что с ним не попрощалась, - в голосе Мира проскальзывали надрывные нотки острой боли, не менее острой, чем та, что терзала девушку.

- Я занимаюсь организацией перевозки тела. Мы перезахороним его на местном кладбище рядом с могилами его отца, матери и сестры.

Скорбь, пронизавшая девушку, исторгла из ее груди дикий стон. Маритта крепко сжала губы. Она закрыла глаза, переплела пальцы рук и до боли их стиснула, пытаясь овладеть собой.

- Как ты мог, - воскликнула Ита, - как ты мог бросить его там.

Ее душили рыдания, которые она не могла уже больше сдерживать.

- Ита, Иточка, - Дарн крепко сжал ее в объятиях, - ну что я мог тогда сделать? Мужики вызвали пожарных и скорую. А я... я же не мог вас бросить. Антону было уже не помочь. Я дал своим людям денег и приказал, чтобы они позаботились о теле и организовали похороны. Пойми, я не мог в тот момент предпринять что-то еще, пока ты и Митя были в опасности. Ну что я должен был сделать? Оставить тебя там? Тебе... тебе было бы просто не вынести этого...

Маритта давилась судорожными всхлипами, слезами и громко икала.

- Ну вот, - проворчал Мирэк, - так и знал, что не стоит с тобой это обсуждать. Мария, - крикнул он. - Принеси таблетки. Те, которые Алеман прописал.

- Мне после них нельзя Митю кормить, - жалобно простонала Ита.

- Тогда давай, успокаивайся. И хватит об этом. Я же сказал, что все решу, - он отпустил ее и пошел к машине, которая в это время подъезжала к крыльцу.

- Ты куда? - уже спокойно спросила Маритта, растирая опухшие и покрасневшие от слез веки, с трудом овладев непослушным голосом.

- Я должен проследить за запуском линии. Дай мне два дня. Я сам туда поеду. Но ты останешься ждать здесь. Не нужно тебе смотреть на все это.

Вечерело. Маритта очнулась от тяжелого болезненного сна, во время которого она металась по постели, стонала и всхлипывала. Она потеряла виски. Голова раскалывалась. Девушка прошлепала в ванную, чтобы умыться холодной водой. Зеркало отразило измученную убитую горем молодую женщину, глаза которой безумно сверкали от возбуждения и пролитых слез.

- Маша, - окликнула она прислугу, зашедшую в спальню, чтобы позвать ее к ужину. - Иди сюда.

Маритта затворила дверь ванной комнаты, будто бы кто-то мог их подслушать.

- Маша, ты не знаешь, как Шторм прошлый раз сюда пробрался? Ну, тогда, когда увез меня и ребенка?

Домработница опустила смущенный взор.

- Так я и думала. Знаешь. - Проницательно заметила Ита. - Так: как?

- Я полагала, что если у вас получится скрыться, то Ратик скоро успокоится и забудет тебя. И перестанет, наконец, страдать, - принялась оправдываться Мария, словно ее в чем-то упрекали.

- Маш, я не спрашиваю, зачем ты это сделала, - с напором перебила ее Маритта. - Это я и так знаю. Я спрашиваю: "Как?".

- Там за конюшней в заборе небольшая дверка есть, - торопливо пояснила прислуга. - Ее от основной ограды не отличишь никак. Если только точно не знаешь, где она находится. Это Шторм сам придумал второй выход со двора сделать так: на всякий случай. А ключи запасные мне отдал на хранение. Дарн не в курсе был. Он, что касается охраны, полностью на Тоху положился. Сам не заморачивался. Ратик Шторму доверял и не интересовался, что тот делает и зачем, - она умоляюще посмотрела на Иту. - Ведь ты не выдашь меня Рату?

- Если ты меня выведешь тем же путем, - категоричным тоном поставила ей условие Маритта.

- Зачем? - растерялась Маша.

- Не твое дело. Пошли.

- Но Дарн...

- Дарн минимум два дня сильно занят будет. Если позвонит и спросит про меня: скажешь, что все в порядке. И что касается охранников - тоже молчи...

- Но, - заикнулась Мария, чувствуя, как петля затягивается у нее на шее, - он все равно рано или поздно узнает...

- Я к тому времени уже вернусь, - пообещала ей Ита, коря себя в душе за наглую ложь.

На самом деле, она точно не знала, на сколько времени затянется эта ее вылазка, но смела надеяться, что простодушной Маше все же не сильно попадет.

Маритта стояла на вокзале и ожидала свой автобус. Весь маршрут их безрассудной сумасшедшей гонки четко отпечатался у нее в памяти, плакатно высвечиваясь чередой дорожных знаков и указателей.

Девушка была тиха и задумчива. Погруженная в свои невеселые думы, не замечая ничего вокруг. Она вспоминала каждый жест, каждую фразу, каждую улыбку Антона. Он, будто бы, живой стоял у нее перед глазами и, хмурясь, качал головой: "Опять ты своевольничаешь". Но Ита не могла по другому.

Вдруг что-то жесткое, по ощущениям похожее на металлический штырь, уперлось в бок девушки. И тут же какой-то верзила обхватил ее за плечи и склонился к самому уху.

- Стой смирно. Не ори. Ствол с глушаком. Кишки продырявлю: никто не заметит. Просто тихонько на лавку усажу. Поняла?

Маритта напряженно кивнула, чуть повернув голову и уставившись на небритую неприятную рожу агрессора.

Глава 17.

Маритта была несколько растеряна. Она пыталась найти в себе страх, но не находила. Казалось, что девушка должна быть вне себя от ужаса, но нет, она была абсолютно спокойна. Все ее чувства, как будто, атрофировались, а мысли текли ровно, трезвые, чистые, как после недавно прошедшего дождика лобовое стекло автомобиля, в который ее усадил злобный дядька с пистолетом.

Она не испугалась даже тогда, когда узнала в отморозках, сидящих в дорогой иномарке, тех самых типов, которые хотели убить ее и Дарна у заброшенной скотобойни. Вот только туда они приезжали на ржавом уазике. Модель и марка транспорта не имела значения. Эти лица отпечатались в памяти Маритты навсегда.

Она вспомнила свой вопрос, после этого случая заданный Антону: "Это были люди Ясура?" "Нет", он тогда сказал "НЕТ". И вот настал момент, когда ей лично посчастливилось узнать: кто же еще желал их смерти. Или не посчастливилось?

Судя по всему, совсем наоборот. Похитители не стали завязывать Ите глаза, не беспокоясь о том, что она запомнит дорогу. Они ничего не требовали от девушки, не угрожали. Они молчали. Вообще не было произнесено ни единого слова за весь путь от вокзала до той части пригорода, в которой выстроились в ряд многоэтажные коттеджи, элитные дома и особняки.

Пока Маритте было понятно одно: эта дорога - ее последний путь. Она почти стопроцентно была уверена: ее схватили, чтобы убить. Именно убить, а не шантажировать Дарна, фигурируя ее жизнью, не требовать выкуп. Но зачем же тогда ее притащили в этот шикарный особняк? Не проще ли было по-тихому шлепнуть ее по дороге и бросить где-нибудь в лесу?

Полюбоваться красотами современной архитектуры девушки возможности не дали, грубо затолкнув в дом. Ее провели вниз по лестнице в небольшое подвальное помещение, которое было совсем пустым, не считая пружинной койки с железными спинками, на которой ничего не было, даже матраса. Только со спинок свисали железные цепи, ремни и наручники.

Вот на этом месте у Иты все же екнуло в груди. Нет, так умирать она была не готова. Зря она надеялась, что ей позволять покинуть этот мир быстро и без мучений. Какая же она наивная! Но за что же ее мучить? Кому она успела насолить? В голову ничего не приходило. Ни одной идеи, заслуживающей рассмотрения.

Зато сама мысль об надругательстве на ее телом подействовала на девушку, как холодный душ. Она не собиралась покорно ожидать своей участи, без сопротивления и попыток спастись принимать муки и смерть. Она обязана бороться за свою жизнь, обязана ради своего сына. Она нужна ему. Как же он без нее? Нужно только выждать удобный момент. Но для начала, придумать, каким образом она может организовать отпор.

Если не выйдет: ну что ж. Тогда она встретиться с Антоном. Они будут вместе вечность, и никто и ничто больше не разлучит их.

Маритта озиралась в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать в качестве оружия. Бандиты оставили ее тут одну, не связав, не оглушив. Значит, они уверены, что она не опасна. Да и как справиться худенькой хрупкой девушке со здоровыми крепкими мужиками. Бежать же тут было некуда. Помещение - без окон, только одна дверь - та, через которую ее втолкнули сюда.

Она внезапно почувствовала себя страшно одинокой и безоружной в этом беспощадном мире мужчин.

Взгляд Иты остановился на кровати. Больше все равно ничего не было. Она подошла поближе и обошла ее вокруг, рассматривая. Когда в мозгу девушки стала вот-вот нащупываться идея по вопросу самозащиты, скрипучая дверь подвала открылась.

В комнатушку зашел пожилой невысокого роста мужчина. Полноватый, с округлым брюшком, с волосами, некогда имевшими сизо-черный цвет, а теперь заметно тронутыми сединой. Взгляд его темно-карих южных глаз был жесток и безжалостен. Маритта резко повернулась к посетителю и застыла, кусая губы и сожалея о том, что ничем не успела вооружиться. Но мужик на нее нападать вовсе не собирался. Он рассматривал ее, как неведому зверушку, презрительно и нерасторопно.

- Ты, должно быть, задаешься вопросами: "Почему я тут? Зачем? И, наконец, кто я такой?" - вдруг начал он без всяких предисловий правильным русским языком, но искаженным сильным певучим акцентом.

Мозг девушки словно прострелило. Ну как же она раньше не догадалась?

- Нет, - безликим бесчувственным голосом возразила Ита, - я знаю, кто ты. Ты - Алонзо Франчинелли. Почему я тут - тоже могу предположить. Ты решил отомстить за дочь? Миранда осталась ни с чем и, должно быть, сильно злиться. Зачем я тут? Также понятно. Ты хочешь меня убить. Я права?

- Ты не так глупа, как представлялось Миран, - хмыкнул итальянец, - да: меня зовут Алонзо. Но чувства Миранды меня мало волнуют. Бабские капризы не заслуживают такого внимания, которое я уделил этому вопросу. Все дело в завещании, которое не так давно с помощью своего поверенного и адвоката составил Дарнов. В этой бумаге единственным наследником всех своих земель и всего остального имущества Ратмир оставляет своего единственного сына Дмитрия. Вашего сына. А тебя - его законной опекушкой в случае безвременной кончины самого Дарнова. Опекушка мне не нужна. Я сам готов стать опекуном этого малютки, а еще больше я жажду опекать землю, на которую у меня свои более грандиозные, чем у Мирэка, планы. Вот поэтому ты умрешь, - совершенно бесчеловечно заключил мужчина.

Впрочем, достаточно было взглянуть в его темные беспощадные глаза и понять, что надеяться не на что.

- А Рат? Его ты уже списал заочно? - прошипела очнувшаяся от своего обычного оцепенения Ита.

Только одна мысль о том, что этот жуткий старик получит права на ее сына, доводила Риту до бешенства.

- Дарн - уже покойник, - известил девушку Франчинелли, кинув небрежный взгляд на часы. - Да, пожалуй, уже.

Маритта вздрогнула. Нет, она отказывалась в это верить. Но на всякий случай, чтобы

выяснить, на что еще способен этот старик, решила уточнить:

- Ясура это ты грохнул?

Снисходительно улыбнувшись, Алонзо кивнул:

- Такие упрямые нынче молодые люди пошли. Ну, скажи, стоит ли какая-то грязь под ногами собственной жизни? А Мирэк? Он мог бы сейчас жить, если бы не развелся с Мирандой.

- Так это ты послал своих людей завалить нас в холодильнике там на скотобойне? - прошептала Маритта, ужасаясь все больше и больше тому, насколько сильной может быть жажда наживы у людей.

- Н-да, - покачал седой головой Алонзо, - не оплошай они тогда, тогда все было бы намного проще. А тут еще Миранда узнала, ну и уговорила меня отдать ей Дарна проиграться. Тут я ее понимаю: красивый мальчик. Сам обожаю все красивое. Дарнов сам виноват, что вырвался из ее цепких лапок. Так мне было проще его контролировать. Я предлагал ему усыновить вашего сына и воспитывать вместе с моей дочерью, но он отказался. Неважно, теперь у меня молодая жена. Она родит мне еще много наследников. А то, что мне нужно, я получу другим способом. Я всегда получаю то, что хочу. Ну, что еще тебя интересует? Спрашивай, пока я добрый. Я считаю, что каждый человек имеет право знать, почему он умирает.

- Если ты такой добрый, - взвилась Маритта, - то зачем привез меня сюда? Почему не приказал завалить по дороге?

- Зачем же такой красоте зря пропадать? - Франчинелли шагнул к ней и дотронулся до ее длинных золотистых волос.

Ита с трудом сдержалась, чтобы не отшатнуться. Находясь на грани отчаяния, девушка собрала всю свою смелость и решила без борьбы не сдаваться. Волна отвращения и ненависти захлестнула ее и она так злобно посмотрела на Алонзо, словно желала убить, уничтожить его этим в самым взглядом. Лицо ее под тяжелой копной светлых каштановых волос было бледно, а расширившиеся медовые глаза сверкали от мужественно удерживаемых слез.

Нет, она не покажет ему ни свой страх, ни свою слабость. Нельзя даже мысли допускать о том, что она осталась совсем одна. Один на один со своими врагами. И помощи ждать неоткуда. Нельзя даже думать об этом: иначе она погибла. Паника и отчаянье захватят ее целиком. Мирэк - он умный. Он, должно быть, все предусмотрел. Должен был предусмотреть. Не может быть, чтобы у Алонзо все получилось. Впрочем, девушка боялась за себя меньше всего. Она не заикливалась на своей личной беде. Она боялась за сына. Только стоило ей представить, что до Мити доберется этот урод, ей сразу становилось плохо. Она обязана бороться. Бороться ради сына. Нужно только не терять мужества, а у нее мужества хватало.

За разговором с итальянцем Маритта пыталась тянуть время, надеясь, что помощь где-то рядом. И Дарн. Он же позаботится о ребенке? А если они оба погибнут? Митя, Митя... Ита не могла больше думать ни о чем другом.

- Хочешь знать, как ты умрешь? - между тем продолжил Алонзо, выдергивая девушку из ее беспорядочных размышлений. - Ко мне приехал один знакомый, почти что друг семьи. Но вот не задача... Я не знаю, как его развлечь. У него... Скажем так: особое отношение к женщинам. Когда он ко мне приезжает, Колобок всегда подкидывает для него девочек, которые не приносят особого дохода, которые не нужны. Знаешь почему? После ночи с моим

другом те, как правило, не выживают. Так вот я и решил убить сразу двух зайцев (кажется у вас русских так говорят?) избавиться от тебя и порадовать моего бедного Германа. Ну, заодно, и сэкономить на шлюшках, за которых для такого рода развлечений Колобок просит баснословные деньги.

- Жил на свете жадный Билли. Люди Билли не любили, - едко прокомментировала его Маритта.

- Смешно? Похвальная храбрость, - пожал плечами Франчинелли. Страшная улыбка заиграла на его бесцветных старческих губах. - Возможно, оно поможет тебе продержаться какое-то время. Будет жаль, если веселье быстро закончиться. А теперь отдыхай, - мужчина направился к двери. - Силы тебе тоже пригодятся.

Отдыхать Маритта и не подумала. Как только за Алонзо закрылась дверь, она подбежала к кровати и принялась ее осматривать. Как и предполагала девушка, конструкция была старая и расшатанная. Болты держались слабо. И можно было попытаться их выкрутить. Нащупав в кармане ветровки маленькую пилочку для ногтей, Маритта принялась за работу. Она торопилась, ломая ногти и обдирая пальцы. То и дело оглядываясь на дверь. Тот самый друг семьи с замашками маньяка мог появиться в любую минуту.

Наконец, Ита сумела отвинтить от кровати ножку. Очень вовремя, так как за дверью послышались чье-то шаги.

Набрав в грудь побольше воздуха, девушка судорожно сжала пальцы на своем импровизированном орудии самозащиты и притаилась у входа. Семь бед - один ответ. Удары по голове у нее обычно выходили неплохо. Так зачем же изобретать велосипед?

Дверь приоткрылась и в нее просунулась голова в бейсболке с большим козырьком. Мужчина был высокого роста и крепко сложен, успела заметить Ита. "Была не была", - прошептала она про себя, сглотнула ком в горле и посильнее замахнулась.

Однако, кусок железа намеченной цели не достиг. Мужик оказался проворней, моментально среагировал и перехватил руку девушки за запястье, резко вывернув так, чтобы она выпустила из судорожно сомкнутых пальцев оружие.

От острой нестерпимой боли в глазах у Иты потемнело, и она пронзительно завизжала.

Глава 18.

Последующим порывистым движением мужчина привлек девушку к себе и стиснул в объятиях с такой силой, что она едва не задохнулась.

- Итка, Иточка, - он поднял ее безвольно повисшую вдоль тела руку и зашептал, дуя на нее и перемежая слова поцелуями. - Больно, да? Извини, я не хотел. Чисто на уровне подсознания среагировал, не подумав. Ну, а ты: что за дурацкой привычкой обзавелась: все время бить по голове?

Маритта почувствовала слабость в коленях, ее ноги подкосились. Она держалась в вертикальном положении только потому, что все еще была плотно прижата к мощному мужскому телу.

- Тоша, - выдохнула она ослабевшим голосом, здоровой рукой скидывая с него кепку, - Тошенька.

- Ничего, - продолжал он, как будто не замечая состояния девушки, - сейчас в машину сядем, я тебе повязку наложу. Ит, ты чего?

Глаза Маритты закатились, голова запрокинулась, и она обмякла на руках у Антона. Ослабленной болезнью организм не выдержал продолжительного нервного напряжения и сильного потрясения. Ита, побледневшая, как полотно, погрузилась в глубокий обморок.

Она очнулась уже в машине от боли в запястье. Тоха сосредоточенно обматывал его эластичным бинтом. Похудевший еще больше, он имел сильно замученный, безумно усталый и какой-то потрепанный вид.

- Тоша, живой, - снова шепотом повторила Ита, все еще не веря своим глазам, полагая, что он ей чудиться во сне или в галлюцинациях, вызванных острым стрессом.

- Ну да, - Антон, похоже, удивился: "А что, может быть по-другому?" - Но чувствую себя, как покойник...

- Покойники ничего не чувствуют, - вдруг взвизгнула Маритта, - и ты сейчас им обзавидуешься...

Она попыталась свободной рукой отвесить ему затрещину, но Тоха опять предупредил ее действие, отпустив поврежденное запястье и ухватив ее за другое, несильно сжал его. Тогда девушка попыталась его пнуть, а когда и эта ее попытка была блокирована, то - укусить.

- Ты чего? Озверела? - обиделся Антон.

Он перетащил Иту с сиденья себе на колени, прижав ее предплечья к бокам одной рукой, другой он удерживал ноги девушки, при этом пытаясь увернуться и спасти свое ухо, до которого она силилась дотянуться.

- Ит, успокойся. На мне и так живого места не осталось, - уговаривал он ее. - Ты что: совсем меня изувечить хочешь? Ну, подумай сама, на кой тебе - муж инвалид?

- Я думала: ты умер, - задыхаясь, вся в слезах, наконец, соизволила прокомментировать свои жалкие попытки навалить Антону Маритта. - Я сама чуть не умерла, когда увидела, как твоя машина взорвалась. Чуть с ума не сошла от мыслей, что больше никогда тебя не увижу. А ты - живой. И тебе все равно, что я вся извелась, что реветь не переставала, что готова была головой об стену биться ... А ты, - она горько заплакала, - тебе все равно...

- Марит, - Тоха несмело дотронулся губами до ее щеки, - не все равно. Ну, прости меня. Ну, не мог я никак раньше добраться до тебя. И позвонить никак было - телефон вместе с машиной сгорел. А с разбитой головой, простреленной ногой и пулей в ключице тяжело как-то передвигаться было. Особенно, когда на пятки люди Алонзо наступали. Я тогда думать был способен только о том, как шкурку свою спасти...

При упоминании об итальянце, Ита пришла в ужас.

- Митя, он хотел забрать моего Митю, - она напряглась в попытке вырваться.

- Да угомонись ты, - Антон сжал ее еще крепче. - С Митей все в порядке. Там уже давно Косой со своими ребятами ненадежную охрану Дарнова сменил.

- А Мирэк? - затаила дыхание Ита, приготовившись услышать худшее. - Его старик заказал.

- Дарн тоже предупрежден. Я к нему своих парней послал, а дальше пусть сам разбирается. Мне вон тебя освободить надо было. Приедем домой, я тебе штанишки спущу, и ремешком по попе, чтоб не геройствовала... Вот объясни мне на милость: какого х... ты из дома сбежала?

- Не знаю, - заскулила девушка. - На меня словно затмение нашло. Мне думалось, что я вот обязательно должна еще раз увидеть место аварии, и твою могилу. Срочно. Не знаю... Не могу объяснить. Наверное, сердцем чувствовала, что ты жив, что тебе нужна помощь...

- Ну, справился же сам, - буркнул Тоха. - Помощь - это тебе нужнее.

- Что, так сильно любишь? - помолчав, спросил он, расплываясь в глуповатой, но счастливой улыбке.

- Дурак. Пусти, - надулась Ита.

- А драться больше не будешь? - подозрительно прищурившись, поинтересовался Тоха.

- Не буду, - сдалась девушка.

Пару минут раздумывая, стоит ли ей верить на слово, Шторм все же отпустил руки жены.

- Конечно, люблю. Сильно.., - прошептала ели слышно Ита, смущено встречаясь с ним взглядом, и тоже не смогла сдержать блаженной улыбки.

Она утонула в его небесно голубых светящихся совсем детской радостью глазах, которые говорили ей тоже самое. Антон склонился к ее губам, жадно захватывая их, проникая языком в теплоту ее рта. Маритте показалась, что она улетает. Голова кружилась. Девушка запустила пальцы в его густые белокурые пряди, значительно отросшие за последнее время. И тут же пришла в себя.

- Что это? - испуганно спросила она, отрываясь от Антона, ощутив под его волосами длинный рубец.

- Фигня, - отмахнулся от нее Шторм. - Уже зажило. Это я когда через лобовое стекло в кусты вылетел, башкой об камушек приложился. Давай я тебе потом все расскажу. Сейчас надо одно дело закончить.

Он приоткрыл дверь машины и крикнул:

- Андрей.

Только сейчас Маритта стала различать другие звуки окружающего их пространства и замечать, что мир вокруг них не замирал. И все шло своим чередом.

Автомобиль, в котором они сидели, стоял во дворе того самого дома, куда ее привезли несколько часов назад. Кроме него на огороженной высоким забором территории находился фургон, в который люди в форме спецназа и черных масках заталкивали не очень-то вежливо матерящихся мужиков со скованными наручниками руками. Следом за ними из особняка вывели старого Франчинелли с перекошенным и пожелтевшим от гнева лицом, с черными метаящими молнии жесткими глазами и пронзительно-острым, как игла, взглядом. Он громко ругался на родном языке, угрожая блюстителям закона страшной расправой. Маритта вздрогнула. Даже сейчас, связанный и под конвоем, он вызывал у нее непреодолимый ужас.

Рядом с фургоном стояли еще машины милиции, вокруг которых стояли несколько человек в милицейской форме и трое в обычных серых костюмах.

На имя "Андрей" откликнулся совсем молоденький парнишка в гражданке. Он быстро подошел к ним, обеспокоено разглядывая Иту.

- Очнулась? - спросил он. - Сможет показания давать?

- Думаю, да, - ответил ему Шторм, ухмыльнувшись, - если судить по проявленной ею агрессии, она уже в порядке.

Паренек сел в машину и захлопнул за собой дверцу.

- Это сын близкого друга моего отца, - объяснил Маритте Тоха. - Свой человек. Он

будет вести дело Алонзо. Ты сейчас расскажешь ему, как тебя похитили. Все, все. Что говорили, чем угрожали. Подпишешь показания, и поедem домой.

- Про то, как меня и Дарнова в заброшенной скотобойне похоронить пытались, тоже рассказывать? - с энтузиазмом подошла к вопросу Маритта.

- А это что: те же товарищи были? - сразу догадался Андрей. Ита кивнула. - Тогда все давай, с начала.

Когда Маритта подписала протокол, молодой следователь попрощался с супружеской парой и обещал сообщать о ходе процесса. Антон пересел за руль.

- Будем надеяться: Франчинелли уже не выпутаться, - удовлетворенно заметил он. - Покушение, похищение. Еще в его доме одного стремного типа так удачненько поймали. Некого Германа. Представляешь: федералы России, Америки и половины Европы его по всему миру разыскивали. Убийца и садист. Он имел что-то вроде своего карательного отряда и уничтожал неугодных для сильных мира сего. Я и раньше подозревал, что этот Герман работает на Алонзо. Теперь старику уж точно не отвертеться. Процесс против него намечается грандиозный.

- Ага, - жалобно пискнула Ита. - Я в курсе. Это - друг семьи. Этому людоеду меня итальянец на ужин скормить собирался. Как ты думаешь, Алонзо надолго посадят?

- Ну, если у него только не получится откупиться. В любом случае, после такого крупномасштабного скандала, Франчинелли придется в скором темпе убираться из страны. Нас он точно больше не побеспокоит.

Шторм завел машину, а Маритта откинулась на сиденье и задумалась. Ей с Антоном предстояло решить еще несколько не менее важных проблем, прежде чем можно будет вздохнуть свободно.

Глава 19.

Антон и Маритта стояли у колыбели Митеньки. Ребенок спал, сладко посасывая палец.

- На Мира похож, - грустно произнес Шторм.

Ита повернулась к мужу и с понимающей улыбкой провела пальчиками по его щеке.

- У нас еще будут дети. Ты хочешь?

- Я с тобой все хочу, - мужчина обхватил ее за талию и привлек к себе. - И детей, и всю оставшуюся жизнь...

- Я тоже. Но все так сложно, - девушка вздохнула и положила голову ему на плечо.

- Пойдем спать. Поздно уже. Отдохнем, а там подумаем, - рационально предложил Тоха.

- Я поесть принесу, - забеспокоилась Ита, глядя на осунувшееся изнеможенное лицо мужа, - я быстро.

Она упорхнула из комнаты, а Антон тяжело опустился на ее постель. Когда девушка вернулась с подносом, полным еды, мужчина уже крепко спал. Он просто упал на спину там, где сидел, поперек кровати и отключился. Ноги его так и оставались на полу. Девушка даже представить себе не могла, насколько сильно он был вымотан.

Ита осторожно отодвинула пистолет, предусмотрительно оставленный мужчиной на

тумбочке, и поставила на нее ужин. Сняв с Антона ботинки и укрыв одеялом, она отправилась в душ. Хотелось смыть с себя всю грязь подвала и следы мерзких рук людей Германа, которые она все еще ощущала на своей коже. Когда Маритта вышла из ванной, Антон все еще спал. Судя по всему, он даже не пошевелился. Бросив тоскливый взгляд на остывшую еду, Ита забралась в кровать. Она подвинулась поближе к мужу. Ощущая его тепло, слушая его тихое размеренное дыхание, она чувствовала себя почти счастливой.

Проснувшись поздним утром, Маритта обнаружила, что у нее затекло все тело. Антон во сне, повернувшись к ней, обхватил ее рукой и прижал к себе так сильно, что она чувствовала спокойные ровные удары его сердца. Но девушка не торопилась высвободиться. Она была готова терпеть любые неудобства, лишь бы ощущать его силу, его дыхание, колышущее ее волосы, его запах, такой родной и опьяняющий. Он даже во сне излучал затаенную мощь, от которой становилось так хорошо, так спокойно.

Однако вся эта мужская мощь не подавляла Иту, а, напротив, давала ей некое чувство защищенности и вызывала невероятное возбуждение. Она любила в нем все. И крепкое тело. И сильные руки. Она была благодарна ему за нежность и терпение.

Стальное кольцо его объятий разжалось, а пальцы, ласково коснувшись шеи, забрались в волосы девушки, поглаживая затылок. Маритта встретила взглядом с проснувшимся Антоном. Он как-то странно смотрел на нее.

- Что? - едва уловимый шепот.

- Я не хочу терять тебя, - так же тихо в ответ.

- Терять? - Ита хитро улыбнулась. - А ты попробуй от меня избавиться.

Она завладела его смеющимися губами, сама проникая в его рот языком. От такой смелой, но приятной и зажигающей атаки у Антона кровь закипела. Девушка почувствовала, как трепещет его тело, физически ощущая, как забурлила страсть в его жилах.

- Колдунья, - выдохнул он.

Окончательно осмелев, Маритта задрала его футболку, намереваясь ее снять и замерла, наткнувшись взглядом на свежие шрамы.

- Котенок, я сейчас малость не в форме, - расстроился Антон, заметив, как глаза девушки затуманили слезы.

- Тебе больно? - голос Иты дрожал.

- Нет, - с облегчением выдохнул мужчина, поняв, что неправильно истолковал ее реакцию. - Уже нет. Просто слабость осталась...

- Слабость? - тут уже Маритта сама чуть не рассмеялась. - Ну, если это ты называешь слабостью...

Антон совсем смутился, не зная, как реагировать на такие заявления. Чего она вообще имеет в виду?

- Ладно, - Ита решила, что мужа сейчас напрягать не стоит. Он и так напряжен, судя по красноречиво топорщившимся джинсам. - Тогда я ловлю момент. Раз уж ты такой слабый, то лежи тихо...

Она стащила с него футболку и прошлась губами и языком по рельефно выступающим мышцам пресса, задерживаясь на каждой отметине недавних событий, легко прикасаясь к ним поцелуями, продвигаясь все ниже.

- Итка, - в нетерпении простонал Антон, когда она освободив его от джинсов и сев сверху, стянула с себя сорочку, под которой ничего не было.

Наклонившись, Маритта поймала его губы, касаясь твердыми вершинками груди его кожи. Мужчина только хрипло выдохнул, сомкнув пальцы на ее талии, когда она опустилась на его твердую подрагивавшую плоть, вобрав ее в себя до конца. Девушка двигалась, словно в экстазе. Ее взгляд подернулся поволокой, из приоткрытых влажных губ слетали тихие стоны, полные томного удовольствия, а отливающие золотом волосы рассыпались по плечам. Она была похожа на менаду, исполняющую ритуальный танец, страстно и исступленно извиваясь в ритмическом пульсе их тел. Сливаясь с ним в полной гармонии, бесстыдная и раскрепощенная, она чувствовала, что с ним возможно все. Магия их любви делала их единение настолько полным, что взрыв неземного блаженства, сотрясающий тела забросил их одновременно так далеко в поднебесье, что они, витая в облаках рая, не слышали отчаянно дребезжащего на полу телефона, подающего настойчивые сигналы из кармана джинс Антона.

Опускаясь с небес на землю и постепенно приходя в себя, Маритта обнаружила, что все еще лежит распластанная на муже, обхватив коленями его бедра, все еще не разъединившись с ним. Она всполошилась, что навредила еще не оправившемуся от ранений мужчине и приподнялась, с тревогой всматриваясь в его лицо. Поймав ее обеспокоенный взгляд, Шторм прочитал ее мысли. Он блаженно улыбнулся и вернул девушку на место, на свою грудь.

- Не бойся, - шепнул он ей на ушко, - ты легкая, а мне уже давно так хорошо не было.

Услышав бурчание в животе Антона, Ита хихикнула.

- Любовью сыт не будешь. Ты теперь с голоду решил умереть?

Вздыхнув, Тоха наградил девушку продолжительным голодным поцелуем, давая понять, что он ей тоже еще не насытился, и, натянув штаны, принялся уничтожать холодное мясо, торопливо запивая его соком. Ита, развалившаяся на постели в костюме наяды, наблюдала за ним счастливыми влюбленными глазами.

- Одевайся, - косясь на нее, буркнул с набитым ртом Шторм, - а то мы из кровати сегодня не выберемся.

Нехотя, Маритта подползла к краю постели и нагнулась за своей сорочкой.

В этот момент дверь ее комнаты распахнулась, и на пороге застыл Дарнов, переводя потемневший взор с прекратившего жевать Антона на обнаженную девушку.

Вскрикнув, Ита схватила покрывало и укрылась им до подбородка. Она подползла к мужу и испуганно схватила его за руку, предполагая реакцию Мирэка и не зная, что можно еще предпринять, чтобы избежать конфликта.

Осторожно высвободив свое запястье из цепких пальчиков жены, Шторм поднялся и шагнул навстречу Дарнову. Тот, хлопнув за своей спиной дверью, двинулся к нему.

"Ой, что-то сейчас будет", - только и успела подумать Маритта, стоящая на коленях на кровати и нервно кутающаяся в одеяло.

Глава 20.

- Живой, чертяга, - рыкнул Мирэк, сгребая Антона в свои медвежьи объятия.

Ита сдавленно хрюкнула, словно на себе почувствовав стальную хватку, сжимавшую ее мужа.

- Мир, - пискнула она, - он весь изранен. Потише можно?

Дарн, смутившись, отпустил друга, отступив от него на шаг и внимательно осматривая.

- А тебе, я смотрю, реально сильно досталось, - взволнованно дал заключение своему осмотру он. - Кто так тебя?

- Дай поесть спокойно, - отмахнулся от него Антон. - Потом расскажу.

- Я тоже еще не завтракал, - Мирэк бросил обжигающий взгляд на Иту. - Там Мария на стол накрывает. Спускайтесь вниз. Там и поговорим.

- Тош, - запричитала поспешно натягивающая на себя сорочку Маритта, дождавшаяся, когда за Дарном закроется дверь, - Ты только ему не говори, что я из дома сбежала, ладно? Он, похоже, еще не в курсе последних событий. Так зачем ему говорить? Ведь все же уже хорошо...

Антон усмехнулся.

- Н-да. Его-то точно твои оправдания не тронут. По заднице точняк получишь. А я заступаться не буду. Заслужила.

- Ну, Антон, - жалобно заскулила Маритта.

- Ладно, - смилостивился Штурм. - Давай, приведи себя в порядок. И пошли. Нам всем троим действительно о многом поговорить надо.

Ели в полном молчании. Маритта чувствовала себя неуютно под поднизывающим взглядом темно серых с густым синем отливом глаз. Мирэк, как будто, заново открывал ее для себя, изучал, как насекомое под микроскопом.

- Я думал, ты умер. Мы все так думали, - наконец, прервал молчание он после того, как Мария принесла кофе и удалилась.

- Да и сам, признаться, так думал, - в шутливом тоне ответил Штурм. - Ну, точно тогда, когда очнулся в кустах с окровавленной башкой. Сначала решил, что все - мозги вышиб. Потом ощупал себя: ничего, вроде, все на месте. И мозги тоже, - пояснил он.

- А тут смотрю: тачка моя догорает. И бойцы твои возле нее. Труп найти никак не могут. Я прислушался и понял: живой то я им ни к чему. Амбал тот, что главный в охране у тебя, сказал: "Алонзо приказал убрать его первым. Ищите, далеко он уйти не мог". Ну, я дожидаться, конечно, их не стал. Пополз по пластунски подальше из оврага. Смотрю - речка недалеко, а за ней - лесок. Там, думаю, они меня не достанут. А телефон и ствол, как назло, в машине остались. Я остороженько так к реке двинул, за кустами прятался. Только мало там их, этих кустов было. Заметили, гады. Делать нечего - рванул на авось. А мне - очередь в спину. Пришлось искупаться. Они за мной следом нырнуть не рискнули. Там еще местами лед плавал. Вода студеная. А мне только на пользу - в голове прояснилось. Но долго в воде все равно не просидишь: стужа такая, что околеть можно. Пришлось выбираться. Вот тут меня и зацепило. Не успел я до леса добежать. В плече пуля застряла, да ногу задело.

Антон посмотрел на побледневшую Маритту. Губы ее подрагивали. Она, словно, вместе с ним переживала это жуткое преследование, такой испуг светился в ее глазах. Мужчина протянул руку и накрыл своей большой теплой ладонью пальчики девушки, легонько сжав их.

- Не помню, как из леса выбрался, - продолжил он. - А за ним деревенька небольшая была. Ну, как деревенька, так - три дома. И те почти развалились. Хотел воды попросить и рухнул в каком-то дворе. Потом, когда в себя пришел, смотрю: бабулька древняя надо мной копошится. В дом помогла перебраться. Выхаживала меня с неделю. Только вот то ли от ее

лечения отварами да припарками, то ли от купания в реке, лихорадить меня стало не хило. Пришлось бабке за антибиотиками в село податься. Я ей на бумажке номер Косого написал и сказал, что передать ему надо было. Телефона то у бабки не было. Не к чему, видно, он ей был. Она, вообще, жила там, как при царе Горохе. И совсем, кажется, уже из ума выживала. Я уж и не надеялся, что она Ивану дозвониться и хоть что-то объяснить сможет. Но бабулек молодчинка оказалась. Позвонила и рассказала Косому, что к чему. Тот, правда, уже здесь меня искал. Не дождался в условленном месте. Короче, когда Ваня меня по мутным бабушкиным ориентирам отыскал, я уже на поправку пошел и сам вставать начал. Так вот, когда Косой со своими ребятами, наконец, прибыл, мы обмозговали ситуацию, и пришли к выводу, что в твоей новой охране через одного люди Франчинелли. Я тут жутко за Иту с ребенком переживать начал. Сразу сюда дернул. По дороге все пытался вам дозвониться, но ни ты, ни Итка трубку не брали.

- Я, наверное, на заводе в это время был, - объяснил Дарнов, - там в цеху из-за оборудования телефоны не ловят. Приходиться на стационарный звонить. Надо что-то с этим делать будет...

- А я, - Ита запнулась, вспомнив, что в свои последние приключения она Рата посвящать не хотела.

- А ты, - ехидно ухмыльнулся Тоха, - могла бы подумать о том, что во дворе везде камеры стоят, и твои подвиги не замеченными не останутся...

- Ну, я же согласилась, что дура, - надулась Маритта, опасливо косясь на Ратэка. - Что с меня взять с глупой бабы.

- Это вы сейчас про что? - прищурился Мирэк.

- Да так: ерунда. Проехали, - отвел беду от жены Антон. - В общем, Косой несколько парней к тебе послал. Мы были уверены, что старик что-то замышляет. Я из разговоров твоих охранников понял, что на заводе крупная авария планируется, как раз при запуске линии. Со смертельным исходом. Такой изящный способ избавиться от тебя и не вызвать при этом никаких подозрений Алонзо придумал уже давно. Поэтому он не только охрану, но еще и рабочих, занятых на сборке оборудования подкупил. Ну, не справились ребята с заморской техникой. Что поделаешь. Бывает...

Шторм налил себе еще кофе и продолжил:

- А я с Косым сюда поехал. Охрану дома подменить. Как понимаешь, доверия к ним никакого не осталось. Мало ли что они придумают с женщинами и ребенком сотворить, когда Франчинелли поймет, что два раза промахнулся.

- Да уж, - вздохнул Ратэк, - с оборудованием они там хорошо пошалили. Сутки пришлось возиться, чтоб все как следует наладить. И так из-за постоянных диверсий все сроки сорвались. Хорошо, что за Иту и сына был спокоен. Знал, что ты не подведешь.

Он помолчал, задумчиво переводя взгляд с друга на девушку и обратно.

- Ладно, - грустно произнес он, - признаю: вы победили. Я не хочу терять ни одного из вас. И чуть было не потерял обоих.

- Я отдам тебе сына, Маритта, - он смотрел девушке в глаза.

Он хотел, чтоб она видела, какая боль притаилась в их глубине.

- Но у меня есть ряд условий.

Тоха и Ита недоуменно переглянулись и выжидательно уставились на Ратэка.

- Я хочу, чтоб вы остались здесь. А Антон вернулся и опять возглавил мою службу безопасности. Теперь я точно осознал, что больше никому кроме него доверять не смогу. И

нечего тащить Митю в какую-то глухомань. Да и твоя работа, Антон, на этом самом засекреченном объекте слишком опасна. Ита же будет постоянно одна. Врядли, ты сможешь уделять ей и сыну много времени. Тут вам, конечно, придется купить дом побольше. Согласись, - он насмешливо взглянул на Шторма, - в твоей хибарке для ребенка места нет.

Тоха с улыбкой кивнул, признавая его правоту.

- И еще, - он как-то удивительно робко улыбнулся Ите, - я надеюсь, ты не будешь препятствовать моему общению с Митей. Я хотел бы забирать его по выходным, да и любое другое время, когда мне удастся вырваться с работы.

- Я так понимаю, что этого времени будет не так уж много, - поддел его Тоха.

- Ну, - незлобливо усмехнулся Ратэк, - я подумываю сделать тебя своим замом. Тогда, возможно, у меня получится больше времени уделять воспитанию сына.

- Мечтать не запретишь, - засмеялся Антон. - Ты же знаешь, что в деловых вопросах я полный профан.

- Ничего, - не отступал Мирэк. - Даже медведей в цирке на велосипедах учат кататься. Я думаю, ты быстро войдешь в курс всех дел. Ну, так как?

- Лады, - Тоха протянул Дарнову свою большую крепкую ладонь.

Маритта злобно икнула: "Вот так всегда. Мужики между собой договорятся, а мое мнение мало кому интересно".

Она поймала на себе хитровато-насмешливый взор Ратэка и поежилась. Да, проиграть один бой, это еще не значит - проиграть всю войну.

Эпилог.

Во двор большого двухэтажного коттеджа въехал черный ровер. Из него вышел Ратэк и, от крив заднюю дверцу, вытащил из машины переносную люльку с ребенком. Митя, которому шел уже шестой месяц, даже не проснулся, сладко посапывая, уставший после прогулки с отцом. Маритту немного пугал энтузиазм, с которым подходил Дарн к вопросу общения с ребенком. Никакие уговоры и объяснения девушки о том, что ребенок еще слишком мал и ему рановато посещать зоопарки, океанариумы и парки с каруселями на Мирэка не действовали. Он говорил, что Митя так будет быстрее развиваться, и, как следствие, умнеть. "Похоже", - бурчала Ита, - "он собирается вырастить супер ребенка. Эрудита, спортсмена и так далее по списку". В конце концов, она махнула рукой: ну чем ребенку может повредить осмотр всяких там тюленей и жирафиков. А уж на то, как грозный Ратэк втискивается в вагончик детского поезда, чтобы повозить на коленях ребенка, Ита без смеха смотреть не могла. Она так ухохатывалась, икая и держась за живот, что Дарнов даже обиделся.

Передав переноску с сыном Антону, Мирэк улыбнулся Ите:

- Ну, как, отдохнула?

Девушка пожала плечами. После общения с Дарновым у нее на сердце оставалась какая-то тихая грусть с привкусом горечи. Этого она объяснить себе не могла. И поэтому ощущала себя неудобно.

Тоха понес ребенка в дом по пути окликавая Надежду. Дарн приобнял Маритту за талию и наклонился к ее уху:

- Я умею ждать, милая. И думаю, ты очень скоро передумаешь.

Ита отчаянно замотала головой.

- Ты просто еще очень плохо знаешь Шторма. Он неплохой мужик, но..., - Ратэк криво усмехнулся, чмокнул ее в висок и быстрым шагом пошел к машине, а Ита осталась стоять на крыльце растерянно хлопая ресницами.

Мирэк уже выезжал со двора, когда к девушке присоединился Антон.

- Чего он тебе сказал? - нахмурился он.

- Ничего такого, чего бы я хотела от него услышать, - беспечно отозвалась Ита.

- А что бы ты хотела от него услышать? - Тоха ревниво прищурился.

- Ну, например, что есть такого ценного в этих землях Дарнова, что за ними все так охотились? Что-то я сильно сомневаюсь, что Алонзо планировал заняться сельскохозяйственной деятельностью...

Шторм ухмыльнулся и, взяв ее за руку, повел в дом.

- Ты знаешь? Знаешь? - теребила его Маритта.

Антон повернулся к ней, с усмешкой покачал головой так, что девушка не поняла "да" это или "нет". Он подхватил ее на руки и понес в спальню.